

ЖИТІЕ

МОЛДАВСКАГО СТАРЦА

ПАИСІЯ ВЕЛИЧКОВСКАГО.

(ПЕРЕЛОЖЕНО СЪ СЛАВЯНСКАГО НА РУССКИЙ ЯЗЫКЪ АРХИМ. А.).

Изданіе Козельской Оптиной пустыни.

Свято-Троицкая Сергіева Лавра.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОВРЕМЕННОМУ ИЗДАНИЮ

В 1847 году в Москве вышло в свет первое издание «Жития молдавского старца схиархимандрита Паисия Величковского», дополненное некоторыми творениями старца и его письмами. Также был издан ряд предисловий к подвижническим сочинениям святых отцов его друга, спостника и единомышленника старца Василия Поляномерульского (или Мерлополянского). Этой книгой был открыт более чем полувековой период публикации Оптиной пустынью творений древних и современных учителей благочестия и подвижничества. Инициатива этого начинания принадлежала супругам И. П. и Н. П. Киреевским, духовным чадам оптинского старца Макария (Иванова). Благословив это предприятие, о. Макарий с самых первых шагов принимал в нем самое непосредственное участие: он написал первые страницы предисловия к «Житию старца Паисия», а впоследствии отбирал и редактировал переводы, предназначенные для печати[1].

Житие «полтавского родимца» Паисия Величковского не случайно легло в основание оптинского книгоиздания. Старец Паисий первым возглавил движение по пути возврата к живому, но почти забытому к XVIII веку наследию древних отцов-подвижников. Сама Оптина была духовно взращена учениками старца, в ее библиотеке хранилось множество рукописных копий-переводов святоотеческих творений, и самое главное, — вся жизнь, преуспеяние и слава Оптиной пустыни зиждились на следовании пути, завещанному преподобным Паисием.

Более двух веков отделяет нас от времени жизни Преподобного. Угоднику Божию выпала трудная доля идти узким монашеским путем именно тогда, когда все исторические условия для этого подвига были чрезвычайно неблагоприятны. На протяжении всего XVIII века стремление государственной власти к полной европеизации России доходило до фактического отрицания ее духовных корней и принимало формы настоящих гонений не просто на ревнителей благочестия, но даже на традиционный народный уклад воцерковленной жизни. Гибельная для духовного здоровья страны политика привела на деле, с одной стороны, к распространению раскола и порождению всякого рода изуверских сект, а с другой — исказила и обеднила жизнь Церкви, оторвав от нее «просвещенный» слой общества, поставила на грань исчезновения монашество, которое преследовалось особенно безжалостно. Этот трагический контекст эпохи заставляет нас особенно пристально вглядеться в апостольский подвиг старца, поразительно созвучный нашему времени.

С юных лет ощутив духовную ревность к подвижничеству, Петр (мирское имя преподобного) Величковский покинул стены Киевской духовной академии и устремился на поиски старца, в послушании которому он надеялся овладеть наукой из наук — духовному монашескому деланию — посту, молитве, и взойти на лествицу духовных добродетелей. Но надеждам его не суждено было сбыться: оскудение Церкви живыми сосудами благодати, духовное невежество, воцарившееся тогда во многих обителях, привели юного подвижника после длительных странствий по монастырям Малороссии, Молдавии и Афона к отшельничеству — по сути, к духовному одиночеству. И здесь, в святогорском уединении, преподобный обрел источник спасительного наставления и совета — писания богомудрых отцов-подвижников, запечатлевших опыт Богообщения в своих творениях. Открыв для себя значимость и животворную силу этих писаний, старец Паисий всю свою последующую жизнь посвятил собиранию этих произведений на языке подлинника (греческом) и духовно точному переводу на славянский, т. к. старые переводы были во многом неточны и порой искажали подлинный смысл текста. А поиск верных списков этих произведений был связан с огромными трудностями — к этому времени и на Афоне почти полностью угас интерес к духовному просвещению. Здесь важно отметить, что самоотверженные разыскания старца Паисия, не жалевшего ни сил, ни скудных средств для приобретения драгоценных рукописей, проложили дорогу к

[1] См.: Протоиерей Сергий Четвериков. Оптина пустынь. YMCA-Press, Париж, 1988, сс. 55–56.

созданию выдающейся антологии святоотеческой аскетики, получившей название «Добротолюбие» — (греч. — «Филокалия»), которую несколько позже составил и издал преподобный Макарий Коринфский в 1782 году в Венеции[2].

Вокруг духоносного старца образовалось большое единомысленное и единодушное братство, последовавшее за ним из Афона в Молдовлахию. Там, в Драгомирне, Секуле, а затем Нямецкой лавре подвиг Преподобного по переводу святоотеческих творений и воспитанию верных учеников в духе и силе древних отцов достиг полноты и завершился кончиной старца в 1794 году.

Множество учеников старца вернулось в Россию, и здесь они стали духовной закваской, буквально преобразившей монашескую жизнь. Они внесли в нее огненный дух подвижничества, пробудили интерес к аскетической литературе, раскрыли учение о внутреннем делании, — очищении ума и сердца путем непрестанного призывания спасительного имени Господня. Более чем в ста обителях Русской Православной Церкви подвизались ученики старца, всюду сея семена его учения, приобретая новых учеников и последователей. Оптина пустынь, Валаамский монастырь, Глинская пустынь, Белобережская обитель, Площанская пустынь и многие другие менее именитые монастыри и скиты аккумулировали в себе духовное наследие Преподобного, откуда оно распространялось на всю Россию. И можно с уверенностью сказать, что духовная традиция старца Паисия, со всеми ее особенностями, впитавшая аскетический опыт почти всего православного Востока (России и Афона, Молдавии и Греции), стала определяющей константой духовной жизни России на протяжении двух последних веков...

В издании воспроизводится переложение на русский язык славянского жития старца Паисия, которое принадлежит архимандриту Агапиту (Беловидову), известному своей замечательной книгой — жизнеописанием старца Амвросия Оптинского[3]. Труд схимонаха Митрофана, очевидца старца, по сравнению с капитальным исследованием прот. Сергия Четверикова[4], очевидно, имеет ряд недостатков, к которым принадлежит его краткость и отсутствие многих биографических подробностей, неизвестных составителю жития. Тем не менее главное достоинство этого произведения — фактическая достоверность, соединенная с глубоким проникновением в значение подвига старца, придают этому произведению особую ценность и непередаваемое духовное благоухание.

Публикацией жизнеописания старца Паисия мы предваряем издание его оригинальных трудов и некоторых переводов святых отцов, которое готовится к печати.

Андрей Лобашинский.

---

[2] См.: Archimandrite Cherubim. Contemporary Ascetics of Mount Athos. Vol I, St. Herman of Alaska Brotherhood Press, 1991, pp. 16–20.

[3] См.: «Жизнеописание в Бозе почившаго оптинского старца иеросхимонаха Амвросия» в 2 ч., М. 1900 г. Репринт — М., «Посад», 1992 г.

[4] Протоиерей Сергий Четвериков. Старец Паисий Величковский. Париж, YMCA-Press, 1988 г. Также в сборнике «Правда христианства», изд. Крутицкого патриаршего подворья, Москва, 1998 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Побужденіемъ къ составлѣнію жизнеописанія Старца Паисія было прежде всего его собственное желаніе. Въ собственноручной его повѣсти написано слѣдующее: „Коль желательно будетъ чадамъ моимъ духовнымъ, истинную ко мнѣ по Бозѣ любовь стяжавшимъ, поне частно услышавшимъ о моемъ рожденіи и воспитаніи и изъ міра изшествіи, и въ монашестѣмъ образѣ пребываніи!“[5] Къ этимъ словамъ старца жизнеописатель присовокупилъ: явно ради того, чтобы подражать ревности твоей и Богоугоднымъ подвигамъ, въ особенности же глубокому твоему смиренномудрію. А вмѣстѣ это будетъ на общую пользу и всѣмъ ревнителямъ благочестія христіанамъ.

Но не тотчасъ послѣ кончины Старца Паисія приступлено было къ составленію его жизнеописанія. Болѣе двадцати лѣтъ послѣ того прошло въ молчаніи, если не сказать — въ небреженіи. Наконецъ согрѣлъ Господь сердца старѣйшихъ и преданнѣйшихъ учениковъ блаженнаго Старца дабы непремѣнно написать житіе его. И поручили это дѣло одному изъ старѣйшихъ учениковъ старца Паисія, схимонаху Митрофану, который собравъ о немъ свѣдѣнія, написалъ жизнь старца на славянскомъ языкѣ, но по старости и слабости силъ, въ особенности же по слабости зрѣнія исправить не могъ. — По кончинѣ о. Митрофана, схимникъ Іоаннъ, видя жизнеописаніе старца, составленное Митрофаномъ, неисправленнымъ, самъ, по совѣту другихъ духовныхъ отцевъ, поревновалъ вновь составить его жизнеописаніе, и составилъ обширнѣе прежняго на молдавскомъ языкѣ. Но только эти два жизнеописанія были несходны между собою, и сходились только въ главнѣйшихъ частяхъ. Кромѣ того читателямъ не нравилось составленное о. Іоанномъ жизнеописаніе за его длинноту. И потому братія монастыря Нямца упросили жившаго въ то время въ Нямецкомъ монастырѣ іеродіакона Григорія (бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ г. Букурешта и всей Валахіи) составить краткое жизнеописаніе старца Паисія, — что онъ и исполнилъ. Трудъ іеродіакона Григорія прочтенъ былъ Ясскому Митрополиту Веніамину и бывшему тогда Князю, и съ ихъ дозволенія напечатанъ въ монастырѣ Нямцѣ и разошелся во множествѣ экземпляровъ.

Впослѣдствіи братія монастыря Нямца стали скорбѣть о разногласіи двухъ жизнеописаній старца Паисія; и потому, разсмотрѣвъ ихъ тщательно и держась болѣе составленнаго схимонахомъ Митрофаномъ жизнеописанія, и собравъ въ

[5] Слова эти и слѣдующія за ними помѣщены въ самомъ концѣ жизнеописанія на славянскомъ нарѣчіи.

одно болѣе важное и нужное, опредѣлили напечатать жизнеописание старца Паисія вторымъ изданіемъ на славянскомъ и молдавскомъ языкахъ.

Теперь это жизнеописаніе издается Оптиною Введенскою Пустынью на русскомъ языкѣ съ самыми незначительными измѣненіями.

I. Отъ рожденія до водворенія Старца Паисія на Афонѣ.

Великій Старецъ, схимонахъ, Архимандритъ Паисій въ мірѣ Петръ Величковскій, родился въ Малороссіи, въ г. Полтавѣ, въ 1722 году, отъ благочестивыхъ родителей отца протоіерея соборной Успенской церкви Іоанна и матери Ирины Величковскихъ. Въ четвертый годъ, по рожденіи Петра, родитель его скончался; и отрокъ остался на попеченіи своей матери и старшаго родного брата Іоанна, который, по кончинѣ отца, былъ на его мѣстѣ тоже настоятелемъ соборной церкви, гдѣ прежде и дѣдъ и прадѣдъ его священствовали.

Мать озаботилась обучить отрока грамотѣ. При помощи Божіей, чрезъ два года съ небольшимъ, онъ навыкъ читать букварь, часословъ и псалтирь. Выучился отъ старшаго же своего брата и писать. Съ того времени онъ уже свободно сталъ читать книги и отчасти разумѣвать. Съ великимъ прилежаніемъ прочитывалъ онъ книги Божественнаго писанія ветхаго и въ особенности новаго завѣтовъ, житія святыхъ, поученія преподобныхъ отцевъ Ефрема и Дорофея, св. Іоанна Златоуста Маргаритъ и прочія. Отъ чтенія таковыхъ книгъ, и преимущественно житій преподобныхъ отцевъ нашихъ, въ монашескомъ чинѣ просіявшихъ, начала появляться и въ душѣ отрока Петра ревность къ оставленію міра и воспріятію святаго монашескаго, ангельскаго образа. Почему онъ и уединялся, и ненасытно занимался чтеніемъ. И такъ любилъ онъ молчаніе, что даже самая мать его рѣдко слышала его говорящимъ; ибо онъ былъ кротокъ, весьма стыдливъ и сдержанъ не только въ отношеніи къ людямъ постороннимъ, но и къ своимъ. Таково было усердіе къ Богу въ этомъ дивномъ еще десятилѣтнемъ отрокѣ! Всѣ видѣвшіе и слышавшіе о немъ люди благоразумные удивлялись его добронравію, ревности и усердію, и прославляли Бога, говоря: слава Тебѣ, Христе Боже, что возносишь избраннаго отъ людей Своихъ!

На тринадцатомъ году отъ роду Петръ лишился и старшаго брата своего Іоанна, который преставился ко Господу, прослуживъ священникомъ только пять лѣтъ. Въ слѣдствіи сего нужда заставила мать отрока, захвативъ его съ собою, пойдти въ Кіевъ къ Архипастырю Рафаилу и просить его о зачисленіи за сыномъ отцовскаго мѣста въ вышеупомянутой соборной церкви. Она снабжена была и просительнымъ письмомъ ко Владыкѣ о семъ дѣлѣ со стороны крестнаго отца мальчика, Полтавскаго полковника, и почтенныхъ гражданъ. Это было въ 1734 году. Когда же Петръ, ставъ предъ святителемъ, толково и съ подобающею почтительностію произнесъ приготовленные къ сему случаю однимъ ученымъ мужемъ стихи, Владыка обрадовался, благословилъ его, и ска-

залъ: быть тебѣ наслѣдникомъ (родительскаго мѣста). Выдалъ матери его грамоту, и повелѣвъ отдать отрока въ Кіевское училище, отпустилъ ихъ съ благословеніемъ. Возвратившись домой, мать немедленно отправила сына своего въ Кіевъ ради школьнаго обучѣнія, гдѣ онъ проучился только четыре года. Съ горячимъ усердіемъ упражнялся онъ въ это время болѣе въ чтеніи духовныхъ книгъ. Отъ чего въ немъ болѣе укрѣплялось непремѣнное намѣреніе быть монахомъ.

Къ тому еще у него были единомысленные друзья, также имѣвшіе одинаковое желаніе монашества. По вечерамъ они собирались въ какое-либо потаенное и уединенное мѣсто, и во всю ночь до утренняго звона разсуждали какъ бы имъ удобнѣе было осуществить свое намѣреніе, и гдѣ бы можно было найдти такое мѣсто, въ которомъ, при помощи Божіей, постригшись въ иночество, они по истинѣ могли бы проводить жизнь свою согласно съ монашескими обѣтами. Послѣ многократныхъ совѣщаній, при тщательномъ разсмотреніи, они такое положили въ душахъ своихъ твердое и непремѣнное намѣреніе: ради отрѣченія отъ міра и постриженія монашескаго не поступать въ такія обители, гдѣ проводятъ жизнь въ сладкопитаніи, въ возможномъ тѣлесномъ удовольствіи, покоѣ и славѣ. Въ подтвержденіе этого своего намѣренія они указывали на святыя писанія всѣхъ древнихъ святыхъ, проводившихъ въ нищетѣ жизнь монашескую, и на св. Симеона Новаго Богослова, который говоритъ такъ: „Имѣя въ намѣреніи удалиться отъ міра, смотри — не вдавай души своей въ плотскія утѣшенія,“[6] и проч. Ибо если намъ, говорили они, принять постригъ въ такихъ обителяхъ, то неудобно будетъ, по обѣту монашескому, подражать нищетѣ Христовой и проводить жизнь воздержную т. е. въ скудости нужныхъ потребностей и во всякомъ тѣлесномъ злостраданіи, ради душевнаго спасенія. Но по причинѣ еще нашей немощи и удобопреклоннаго произволенія и нетвердаго неустановившагося душевнаго усердія, а болѣе отъ суеты и общенія съ другими, намъ по неволѣ придется уклониться отъ тѣснаго пути, вводящаго въ жизнь вѣчную и заблудить въ широкій, который, по слову Господню, ведетъ въ погибель. Въ такомъ случаѣ они думали, что ужъ лучше оставаться въ міру, нежели, отрекшись міра и всего мірскаго проводить жизнь во всякомъ покоѣ и довольствѣ ради угожденія плоти, на соблазнъ міру и поношеніе монашескаго образа и на вѣчное осужденіе душъ своихъ въ день судный.

Кромѣ того благоговѣйный отрокъ Петръ, изъ Божественнаго Евангелія и святоотеческихъ писаній основательно дознал, что желающему монашествовать безъ послушанія, смиренія, безпристрастія (къ вещамъ) и терпѣнія, безъ вѣрности и любви и совершеннаго отсѣченія своей воли и своего разсужденія, и вообще сказать — безъ тщательнаго исполненія всѣхъ Христовыхъ заповѣдей, одною православною вѣрою спастись отнюдь невозможно. Потому онъ положилъ въ душѣ своей предъ Богомъ твердую рѣшительность, ради исполненія заповѣдей Христовыхъ, вмѣстѣ съ вѣрою всячески понуждаться и на до-

[6] Добротолюб. Е. Ѳеофана. пр. Симеона Н. Б. дѣятельн. и богословск. главы, 6 гл.

брыя дѣла. Какъ напримѣръ: отнюдь не осуждать ближняго своего, хотя бы и своими очами увидѣлъ, что онъ грѣшитъ; ибо осуждающій ближняго своего самъ себѣ присвояетъ достоинство Божіе; а есть ли что страшнѣе сего? Также отнюдь не имѣть ненависти къ ближнему; ибо, по свидѣтельству Св. писанія, ненависть и злоба тяжелѣе всѣхъ грѣховъ (1 Іоан. 3, 15). Отъ всего сердца и отъ всей души прощать ближнему всякое оскорбленіе, въ надеждѣ отпущенія и своихъ грѣховъ; ибо кто не прощаетъ ближнему своему проступковъ или какой-либо обиды, тотъ и самъ отнюдь не получитъ отпущенія грѣховъ своихъ отъ Отца Небеснаго. — Этотъ, данный Богу, обѣтъ свой онъ во всю свою жизнь, при помощи благодати Божіей, выполнялъ на самомъ дѣлѣ.

Такъ пребывалъ отрокъ, упражняясь въ чтеніи и сказанномъ поученіи. Въ особенности же онъ скорбѣлъ и плакалъ, недоумѣвая — что дѣлать. И вотъ онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и со многими и горькими слезами, бія въ перси свои, началъ припадать ко Христу Богу и молиться дабы Онъ поставилъ его на путь спасенія. Въ плачѣ же размышлялъ: что мнѣ дѣлать, и куда идти? Ощутивъ въ душѣ сильное рвеніе къ странствованію, онъ немедленно, оставивъ училище, удалился изъ города Кіева и какъ нѣкій нищій и странникъ, въ печали душевной скитался, взыскуя отечества небеснаго. Ибо еще въ юности даровалъ ему Господь сѣдину разума, мудрости и смиренномудрія.

Оставилъ онъ и друзей своихъ, которые препятствовали его скорому отбытію, и пошелъ, по указанію Божію, во святый монастырь Любицкій, который расположенъ близъ города Любича надъ рѣкою Днѣпромъ. Когда же онъ пришелъ въ обитель, одинъ монахъ сказалъ ему: вотъ стоитъ нашъ о. игуменъ Никифоръ, и привелъ его къ нему. Петръ палъ къ ногамъ его и просилъ благословенія. А игуменъ, по обычаю благословивъ пришедшаго, началъ разспрашивать: откуда ты, братъ? Какъ твое имя? и за чѣмъ пришелъ въ нашу обитель? Юноша отвѣтилъ: я — съ Кіевской стороны, пришелъ въ эту святую обитель на послушаніе, а имя мнѣ Петръ. Услышавъ это, игуменъ принялъ его съ любовію, далъ ему келлію и назначилъ послушаніе келаря[7]. Поклонившись въ ноги игумену, пришлецъ принялъ отъ него благословеніе, и сталъ съ усердіемъ исполнять свое послушаніе.

Пребывая въ сей обители, Петръ ощущалъ въ душѣ своей великое утѣшеніе. Ибо видѣлъ, что преподобный игуменъ, какъ отецъ чадолюбивый, управлялъ братіею съ великою любовію и кротостію, смиреніемъ и долготерпѣніемъ. И если бы случилось кому изъ братіи, какъ человѣку, въ чемъ либо провиниться: то когда виновный просилъ прощенія, игуменъ тотъ часъ прощалъ его, исправляя таковаго духомъ кротости и поучая душеполезными наставленіями. Назначалъ ему и какое либо покаянное правило по его силѣ, смотря на вину его. Потому и всѣ братія пребывали въ глубокомъ мирѣ и любви къ отцу своему и другъ къ другу.

[7] Келарь — инокъ, завѣдующій монастырскими припасами.

Но вотъ спустя мѣсяца три, по вступленіи Петра въ эту обитель, назначенъ былъ въ нея иной игуменъ, мужъ ученый, Германъ Загоровскій. Прибывъ въ Любицкій монастырь, онъ сталъ управлять имъ не такъ, какъ вышеупомянутый блаженный игуменъ, съ любовію, но властительски. Понявъ его душевное устроеніе, братія пришли въ большое смущеніе; такъ что нѣкоторые отъ страха и разбрелись изъ обители незнамо куда.

Петръ же продолжалъ нести послушаніе келаря, находясь въ большомъ страхѣ и опасеніи какъ бы въ чемъ не провиниться; однако и такъ не уберегся отъ искушенія. Однажды призвалъ его игуменъ и приказалъ, чтобы къ столу его подана была капуста. Не понявъ приказанія по причинѣ его краткости, и не посмѣвъ переспросить игумена, онъ передалъ приказаніе его поварамъ; а они что знали получше, то и приготовили для него. Настоятель призвалъ Петра въ свою келью, всталъ изъ за стола и сказалъ: такую-то пищу ты велѣлъ подать мнѣ къ столу? Сказавъ это, онъ такъ крѣпко ударилъ юношу по щекѣ, что тотъ едва могъ удержаться на ногахъ; а за тѣмъ такъ сильно толкнулъ его, что онъ упалъ чрезъ порогъ его келліи. Когда же онъ всталъ, игуменъ крикнулъ на него: иди вонъ, бездѣльникъ! Въ страхѣ и трепетѣ вышелъ вонъ смиренный Петръ, размышляя такъ: если за это разгнѣвался онъ на меня бѣднаго: то, если случится мнѣ въ чемъ-либо большемъ провиниться предъ нимъ, чего не придется потѣрпѣть? Кромѣ сего онъ услышалъ отъ духовнаго отца своего, что игуменъ грозилъ подвергнуть его еще болѣе жестокому наказанію. Посему Петръ задумалъ уйдти за Днѣпръ. И въ ту же ночь тайно, со слезами помолившись Господу, онъ сошелъ къ Днѣпру, и при помощи Божіей перешелъ на другую сторону рѣки по льду. Возблагодаривъ Бога съ радостными слезами, онъ пошелъ внизъ по Днѣпру въ Украйну къ монастырямъ.

Дошедши до монастыря святителя Христова Николая, именуемаго Медвѣдовскимъ, который стоитъ на островѣ рѣки Тясмина, гдѣ настоятелемъ былъ всечестный іеромонахъ Никифоръ (иной отъ вышеупомянутаго Никифора), Петръ подошелъ къ нему, поклонился въ ноги, получилъ благословеніе, и началъ просить его, чтобы принялъ во св. обитель въ послушаніе. Настоятель принялъ его съ любовію, даль ему келью и послушаніе трудиться въ трапезѣ и ходить на клиросъ. Когда же насталъ постъ Успенія Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы настоятель въ праздникъ Преображенія Господня постригъ его въ рясофоръ, переименовавъ изъ Петра Платономъ. Тогда ему было отъ роду 19 лѣтъ. Пребывая въ этой обители, онъ съ усердіемъ проходилъ послушаніе въ трапезѣ. Всячески старался исполнять и правило церковное; днемъ сколько дозволяло послушаніе, а ночью опущеній у него никогда не было. По повелѣнію настоятеля ходилъ и на клиросъ. Кромѣ того, по своему усердію, и повару много помогалъ.

Тихо и мирно подвизался Платонъ въ означенной обители. Но вотъ попущеніемъ Божіимъ воздвигнуто было въ Украйнѣ уніатами гоненіе на православную вѣру, которые старались совращать православныхъ къ своему нечестію. Вслѣдствіе чего и въ этой обители произошли большія смуты и озлоб-

ленія. И когда жившіе тамъ монахи увидѣли, что уже болѣе мѣсяца церковь ихъ была заперта и запечатана, то нѣкоторые изъ нихъ и начали расходиться, — кто куда захотѣлъ. Съ нѣкоторыми изъ братій, пошедшими въ Кіевъ, пошелъ и Платонъ; ибо вслѣдствіе преслѣдованія отъ Поляковъ (папистовъ) невозможно было тогда идти въ Молдавію. Между тѣмъ случилось это по Божьему смотрѣнію, дабы вѣрный рабъ Господень узналъ объ обстоятельствахъ своей матери. Пришедшій въ Кіево-Печерскую Лавру, Платонъ былъ принять тамъ, и опредѣленъ при типографіи, подъ вѣдѣніемъ іеромонаха Макарія, обучаться изображать иконы на мѣди. Когда же онъ пребывалъ въ Лаврѣ, пришла изъ Полтавы въ Кіевъ на поклоненіе святыни родственница его, жена покойнаго его брата протоіерея Іоанна. Увидѣвшись съ нимъ, она начала разсказывать ему о матери его слѣдующее.

„Послѣ того, какъ ты ушелъ изъ Кіева, мать твоя предалась столь великой скорби, что неутѣшно плакала съ горькими рыданіями. За тѣмъ вслѣдствіе безмѣрной печали она задумала ничего не ѣсть ни пить, пока не умреть. И чрезъ нѣсколько дней стала мѣшаться умомъ. Ощутивъ же нѣкоторый страхъ и ужасъ, она начала читать акаѳистъ Божіей Матери. Потомъ, пришедши въ умоизступленіе, она замолчала; а такъ — какъ бы чрезъ полчаса громко воскликнула: если такова воля Божія, то уже не буду скорбѣть о сынѣ моемъ. Когда же она опомнилась, то разсказала предъ духовнымъ отцомъ и предъ всѣми вотъ что: когда я отъ долгаго неяденія и отъ печали совершенно ослабѣла, и ожидала близкой смерти, — увидѣла множество весьма мрачныхъ и страшныхъ бѣсовъ, покушавшихся напасть на меня, отъ чего пришла я въ великій страхъ и ужасъ. Тогда попросила у васъ книгу и стала прилежно читать акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ безпрерывно весь день и ночь. Этимъ чтеніемъ я защищалась отъ бѣсовъ; ибо слыша, какъ я читала акаѳистъ, они были въ страхѣ и трепетѣ, и отнюдь не могли приблизиться ко мнѣ. Затѣмъ я пришла въ изступленіе и взглянувъ вверхъ, увидѣла отверстыя небеса и пресвѣтлаго ангела Божія, какъ молнію, сшедшаго съ неба. Онъ сталъ близъ меня, и началъ мнѣ говорить такъ: о окаянная! что это ты сдѣлала? вмѣсто того, чтобы возлюбить отъ всей души и отъ всего твоего сердца Господа Бога, Создателя твоего, ты паче твоего Создателя возлюбила Его созданіе, сына своего; и по причинѣ безразсудной и богопротивной любви своей задумала уморить себя голодомъ, и за это подвергнуться вѣчному осужденію. Знай же достовѣрно, что сынъ твой при помощи благодати Божіей, непремѣнно будетъ монахъ. Должно и тебѣ, подражая своему сыну, отречься міра и всего, что въ мірѣ, и быть монахинею. Ибо такова воля Божія. Если же ты этой волѣ Божіей будешь противиться: то свидѣтельствуюсь Христомъ Господомъ Богомъ и Создателемъ моимъ, что сей часъ же предамъ тебя ждущимъ схватить тебя бѣсамъ на поруганіе душѣ и тѣлу твоему; дабы и другіе родители чрезъ это научились не любить дѣтей своихъ болѣе Бога. — Какъ только ангелъ Божій изрекъ мнѣ это и подобное сему, я воскликнула: если такова воля Божія, то уже отселѣ не буду скорбѣть о сынѣ моемъ. — И тотчасъ бѣсы исчезли; Ангелъ же Господній, радуясь,

взлетѣлъ на небо. А духовникъ и родственники матери твоей, услышавъ это отъ нея, со страхомъ, а вмѣстѣ и съ радостію, прославляя Бога, разошлись по домамъ своимъ".

Ужаснулся Платонъ, услышавъ отъ своей родственницы, что уходомъ своимъ столь великую печаль причинилъ онъ душѣ матери своей. Впрочемъ онъ утѣшался тѣмъ, что, повинуясь волѣ Божіей, она рѣшилась быть монахинею, — что и исполнилось. Вступивши въ дѣвичій монастырь, она была пострижена и переименована изъ Ирины Іуліаніею. Прожила въ обители, подвизаясь въ монашествѣ о спасеніи души своей, лѣтъ десять и болѣе, и преставилась ко Господу.

Пребывая, какъ выше сказано было, въ Кіево-Печерской Лаврѣ, о. Платонъ часто ходилъ во святыя пещеры, и съ горячею любовію и со слезами лобызалъ святыя мощи, прося помощи отъ угодниковъ Божіихъ и наставленія на путь спасенія. Ибо онъ горѣлъ желаніемъ проводить пустынное, безмолвное и уединенное жительство съ отцемъ духовнымъ, который былъ бы свѣдущъ во всѣхъ Божественныхъ и отеческихъ писаніяхъ, и понуждался и преуспѣвалъ бы въ дѣланіи духовномъ, и былъ бы опытенъ въ монашескомъ ратоборствѣ съ бѣсами и страстями, пребывая въ то же время въ пустыни въ нищетѣ и скудости, и дѣлая своими руками все для себя потребное. Прошло немного времени и, по Божію смотрѣнію, пришлось ему обрѣсти двухъ почтенныхъ монаховъ, которые собирались идти въ Валахію. Онъ сталъ просить ихъ, чтобы они и его взяли съ собою въ путешествіе. Такъ согласившись, они приготовились къ пути, и помолившись Господу, отправились.

Прошедши благополучно Украйну и за тѣмъ Молдавію, они чрезъ долгое время, при помощи Божіей, достигли Валахіи и пришли въ скитъ святителя Христова, Николая Чудотворца, называемый Трейстѣны, начальникъ котораго іеромонахъ Димитрій принялъ ихъ съ любовію и далъ имъ пріютъ. Старецъ же онаго скита іеросхимонахъ Михаилъ на этотъ разъ быль въ отсутствіи. Онъ отправился на время по дѣламъ въ одинъ монастырь въ Украйну. Когда о. Платонъ пребывалъ въ этомъ скитѣ, исполняя общія съ братіями послушанія, прибыль туда для посѣщенія братіи изъ скита Мерлополяны (что означаетъ яблочная полона) общій всѣхъ тамъ пребывающихъ учитель и наставникъ монашескаго житія, преподобный старецъ, схимонахъ Василій, о высокой жизни и разумѣ котораго написалъ немного старецъ Паисій (въ то время еще Платонъ) — что приводится здѣсь дословно: „Прежде онъ (схимонахъ Василій) по ревности Божіей прожилъ не малое время въ Россіи и въ Мошенскихъ горахъ и въ другихъ пустыняхъ съ великими ревнителями монашескаго жительства, а за тѣмъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, вышеупомянутымъ іеросхимонахомъ Михаиломъ, прибылъ въ Богохранимую Валахскую землю. Этотъ Богоугодный мужъ, въ знаніи Божественнаго писанія и ученія Богоносныхъ отцевъ, и въ разсужденіи духовномъ и всесовершенномъ вѣдѣніи священныхъ правилъ св. Восточной Церкви и ихъ толкованія весьма искусный, несравненно превосходилъ всѣхъ въ его время бывшихъ отцевъ. Слава о его

ученіи и Богоугодномъ наставленіи на путь спасенія разносилась повсюду“. — Этотъ, повторяю, старецъ святой жизни, пробывъ нѣсколько дней въ скитѣ Трейстѣны, много преподалъ братіямъ душеполезныхъ наставленій. Слыша ихъ, о. Платонъ радовался неизреченною радостію, и со слезами прославлялъ Бога, что сподобилъ его видѣть таковаго мужа и слышать отъ него слова назиданія. Старецъ же этотъ чрезъ начальника Дометія приглашалъ о. Платона къ себѣ въ сожитіе. Но онъ (будучи предупрежденъ однимъ отцемъ) поопасался, какъ бы его тамъ не принудили и противъ воли принять санъ священства, и такъ чрезъ начальника отвѣчалъ: я не намѣренъ принимать такой высокій и страшный санъ до самой смерти. Это и было причиною, что о. Платонъ не сподобился пожить въ скитѣ Мерлополянѣ съ таковымъ святымъ старцемъ, а оставался въ скитѣ Трейстѣны. Ибо и этотъ скитъ, какъ и скитъ Долгоуцы, находился подъ духовнымъ окормленіемъ старца Василія. И потому нѣкоторые говорили, что о. Платонъ былъ нѣсколько времени въ послушаніи у старца Василія. Но хотя онъ и не жилъ съ нимъ, однако сподобился быть его ученикомъ, какъ о семь сказано будетъ ниже.

По отбытіи старца Василія, въ скоромъ времени пришла радостная вѣсть, что старецъ Михаилъ возвращается изъ Украйны, и уже приближается къ обители. Услышавъ объ этомъ, начальникъ и всѣ братія исполнились радости, вышли ему навстрѣчу, и приняли отъ него благословеніе. И всѣ были этимъ утѣшены.

О. Платону, проходившему, какъ сказано, общее послушаніе, начальникъ далъ келью недалеко отъ скита надъ потокомъ, откуда не видно было церкви. Случилось однажды, что, пребывая въ этой кельи, онъ ночью спалъ и не слыхалъ, какъ ударяли въ било къ утрени; а день былъ воскресный. Когда же онъ проснулся, тотчасъ прибѣжалъ къ церкви; но услышавъ, что уже прочтено было Евангеліе и начали пѣть канонъ, весьма опечалился, и по причинѣ стыда и смущенія не вошелъ въ церковь, а возвратился въ свою келью, скорбя и плача о таковомъ, случившемся съ нимъ, искушеніи. И такъ онъ опечалился, и такой ощутилъ страхъ и стыдъ неизреченный, что совсѣмъ не могъ придти и къ Божественной Литургіи; но отшедши недалеко отъ кельи, сѣлъ на землю подъ деревомъ и горько плакалъ. Когда же послѣ Литургіи насталъ часъ обѣда, Старецъ, начальникъ и братія удивились тому, что не видѣли его ни на утрени ни на Литургіи. И сказалъ Старецъ братіямъ: прошу васъ Господа ради подождите немного обѣдать; узнаемъ сначала, что случилось съ братомъ нашимъ Платономъ. Сказавъ это, онъ послалъ одного брата, по имени Аѳанасія, переписчика отеческихъ книгъ, поискать его. Не безъ труда посланный нашелъ о. Платона, который сидѣлъ на землѣ и горько плакалъ. Тотъ началъ допытываться причины его плача; а онъ отъ стыда ничего не могъ отвѣчать ему, но еще больше плакалъ, и едва возмогъ, будучи весьма къ тому убѣжденъ, открыть причину своей скорби. Утѣшая его духовно, Аѳанасій всячески упрашивалъ его не скорбѣть чрезмѣрно о случившемся искушеніи, и немедленно идти въ скитъ къ святымъ отцамъ, которые, въ ожиданіи его, еще не обѣдали. Онъ же едва воз-

могъ проговорить ему: какъ же, отче святый, могу я придти къ святымъ отцамъ, и съ какимъ лицемъ явлюсь я къ нимъ, сотворивъ такой грѣхъ на вѣчное мое предъ Богомъ и предъ ними посрамленіе? И просилъ Аѳанасія со слезами оставить его и не принуждать идти къ отцамъ. Между тѣмъ Аѳанасій, не переставая, еще болѣе просилъ его и увѣщавалъ не скорбѣть и идти, и едва принудилъ его противъ воли идти съ нимъ въ скитъ. Тогда, вставши, пошелъ онъ съ плачемъ и рыданіемъ. Когда же пришелъ въ скитъ и увидѣлъ Старца со всѣми братіями, сидящихъ предъ трапезою, о, какой тогда еще болѣе напалъ на него страхъ и стыдъ безмѣрный! Онъ упалъ предъ ними на землю, горько плача и неутѣшно рыдая, и просилъ прощенія. Ужаснулись всѣ. И тотчасъ вставши, Старецъ, начальникъ, и братія подняли его отъ земли. Когда же всѣ братія отъ приведшаго его къ нимъ монаха узнали причину его скорби и слезъ, удивились и, вздохнувъ каждый о себѣ, умолкли. Старецъ же, какъ отецъ чадолюбивый, началъ утѣшать его своею духовною бесѣдою. Онъ молилъ, просилъ и увѣщавалъ его не скорбѣть чрезмѣрно о такомъ невольномъ съ нимъ случаѣ. Немного утѣшивъ его, всѣ воздали Богу благодареніе, что нашли его здоровымъ и душею и тѣломъ. За тѣмъ вошли въ трапезу, и начали вкушать пищу. Велѣли и ему сѣсть съ ними и ѣсть. Однако по причинѣ объявшихъ его тогда печали и стыда онъ ничего изъ пищи не могъ вкусить; и только послѣ вкусилъ немного[8]. Съ того времени, во все свое тамошнее пребываніе, онъ уже не ложился спать по ночамъ, а спалъ по немногу сидя на лавкѣ. — Вышедши изъ трапезы, Старецъ и другіе съ нимъ старѣйшіе духовные отцы сѣли подъ садовыми деревьями, и бесѣдуя прославляли Бога Дародателя, удивляясь такой въ юномъ Божественной ревности. Когда же о. Платонъ былъ еще въ трапезѣ, Старецъ говорилъ всѣмъ присутствовавшимъ братіямъ и въ особенности младшимъ: „видите, братіе, какую ревность по Богѣ и огненную печаль имѣетъ братъ сей. Да будетъ онъ всѣмъ вамъ въ примѣръ и подражаніе, чтобы вамъ съ усердіемъ вставать и ходить на церковное правило. Ибо онъ, и по причинѣ невольно случившагося съ нимъ опущенія молитвы, настолько опечалился душею и такъ много болѣзновалъ и плакалъ, что и хлѣба лишилъ себя, и не хотѣлъ видѣть свѣта солнечнаго, вслѣдствіе великой болѣзни сердечной и сокрушенія. Молитесь и вы отъ всей души Христу Богу, понуждаясь къ исполненію всѣхъ Его заповѣдей, да подастъ Господь и вамъ всѣмъ такую же ревность и огненную печаль, по Богѣ разженную, о которой Божественный Исаакъ (Сиринъ) во многихъ мѣстахъ[9] и другіе святые отцы повелѣваютъ молиться и просить себѣ у Бога“. — Сказавъ это, Старецъ умолкъ. Братія же, поклонившись ему, разошлись каждый по своимъ кельямъ.

Пребывая, какъ сказано, въ ономъ скиту въ послушаніи, о. Платонъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ духовныя наставленія, которыми поучалъ братію старецъ Михаилъ. Ибо и этотъ мужъ такъ преуспѣлъ въ смиренномудріи, люб-

---

[8] Такъ написано въ собственноручной повѣсти старца Паисія.

[9] Слово 55 Пр. Исаака Сирина.

ви и разумѣ духовномъ, и такой получилъ отъ Бога даръ откровенія таинъ, заключенныхъ въ св. Писаніяхъ, что сталъ подобенъ своему старцу Василію. Ибо онъ возревновалъ самымъ дѣломъ подражать всѣмъ трудамъ и подвигамъ его. Потому и просіялъ подобными ему дарованіями Духа Святаго, развѣ мало не всѣми. Часто и этотъ старецъ, поучая братію о многоразличныхъ душевныхъ, весьма нужныхъ обстоятельствахъ, говорилъ: подобаетъ намъ, братіе, въ сіи бѣдственныя времена, при совершенномъ оскудѣніи истинныхъ наставниковъ монашескаго духовнаго дѣланія и разума, вседушно даже до смерти держаться ученія и наставленія святыхъ и Богоносныхъ отцевъ нашихъ, и вѣрно слѣдоватъ имъ и въ словахъ и дѣлахъ. — А еще сей блаженный старецъ съ воздыханіемъ и слезами говорилъ братіямъ о тщательномъ и вѣрномъ исполненіи душеспасительныхъ Евангельскихъ заповѣдей Христовыхъ, также о храненіи правилъ, преданій и ученій Апостоловъ и всѣхъ святыхъ православныхъ вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ восточной Церкви и великихъ Богоносныхъ отцевъ, а еще о неотложномъ соблюденіи святыхъ постовъ и другихъ чиноположеній церковныхъ, преданныхъ всѣмъ христіанамъ отъ св. Апостоловъ и великихъ Богоносныхъ отцевъ. „Не будемъ увлекаться, говорилъ онъ, духомъ нынѣшнихъ тяжкихъ временъ и слабостями людей, живущихъ въ безстрашіи, но будемъ держаться преданій св. Апостоловъ и св. Отцевъ, бывшихъ на соборахъ. Ибо св. Василій Великій говоритъ: все издревле преданное св. и духовными отцами достойно почитанія; вновь же привходящее весьма неумѣстно и безсильно“. Все это видя и слыша, о. Платонъ радовался неизреченною радостію, и со многими слезами благодарилъ Бога, что сподобилъ его слышать такія наставленія изъ устъ такихъ мужей — Василія и Михаила, и пользоваться ими.

По времени прибылъ въ сію обитель изъ скита, называемаго Кыркулъ, всечестный старецъ, схимонахъ Онуфрій, посѣтилъ старца Михаила и братію. И послѣ бывшей о Господѣ, по благословенію старца Михаила, ко всей братіи отъ отца Онуфрія духовной бесѣды, говорилъ сей старецъ о мѣстоположеніи своего скита Кыркула, что оно весьма красиво, что тамъ хорошая вода и здоровый воздухъ и множество различныхъ плодовъ и овощей и прочее нужное для монашескаго жительства, и что тамъ великая тишина и безмолвіе. Эта рѣчь Старца возбудила въ о. Платонѣ желаніе видѣтъ это мѣсто. Потому, поблагодаривъ честнѣйшаго старца Михаила за его отеческую любовь и наставленіе и получивъ отъ него благословеніе, пошелъ онъ съ о. Онуфріемъ въ предлежащій путь, который пролегалъ среди величайшихъ лѣсовъ и по прекраснымъ долинамъ и чрезъ высокія горы. На третій день они при помощи Божіей пришли въ сказанный Скитъ, начальникъ котораго всечестный іеромонахъ Ѳеодосій принялъ о. Платона съ любовію. На другой же день послѣ его прихода далъ ему и келью пустынническую. И сталъ о. Платонъ пребывать въ келліи своей радуясь и со слезами прославляя Бога, обучаясь истинному мо-

нашескому безмолвію, по словамъ св. Исаака,[10] матери покаянія и молитвы. Для удовлетворенія же необходимыхъ потребностей онъ въ началѣ получалъ помощь отъ начальника о. Θеодосія.

Чинъ онаго Скита установленъ былъ по подобію скитовъ Святой Горы. Ибо только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всѣ братія сходились вмѣстѣ на церковную молитву; и послѣ Божественной Литургіи для всѣхъ предлагалась общая трапеза. По трапезѣ же они бесѣдовали между собою, подавая одинъ другому духовные совѣты, и укрѣпляя другъ друга съ воздыханіемъ и слезами умоляли — мужественно и со благодареніемъ претерпѣвать различныя тяжкія душевныя и тѣлесныя искушенія и скорби, и часто молиться, припадая со слезами ко Христу Богу. Такъ проводили они время до вечерни; а послѣ вечерни всѣ отшельники расходились по своимъ кельямъ. Такъ и о. Платонъ пребывалъ въ келліи на безмолвіи, занимаясь малымъ нѣкіимъ рукодѣліемъ — дѣланіемъ ложекъ. Прилежно внимая молитвѣ и чтенію отеческихъ писаній, простираясь въ любовь Божію, и поминая грѣхи свои и повседневные недостатки, внезапно находящую смерть, страшный Божій судъ и уготованныя бѣсамъ и непокаявшимся грѣшникамъ жестокія и вѣчныя мученія, онъ горько плакалъ и рыдалъ повседневно, полагая начало исправленія предъ Богомъ; и со слезами исповѣдуя грѣхи свои, облегчалъ свою совѣсть, и обрѣталъ миръ и радость о Господѣ и нѣкое утѣшеніе души. Также удерживая мысли свои отъ скитанія и умъ отъ худыхъ помысловъ, онъ пребывалъ до времени со смиреніемъ и надеждою на Христа Бога Спасителя своего.

Ходилъ о. Платонъ и къ вышеупомянутому пустынножителю Онуфрію, который жилъ на высокой горѣ, разстояніемъ отъ Скита какъ-бы на одинъ часъ ходьбы. Келья его была на самой вершинѣ горы, оттуда видны были на далекомъ разстояніи прекрасныя пустынныя мѣста, горы, холмы и долины, — все покрытое великимъ лѣсомъ; а внизу подъ горою, гдѣ келья, источникъ воды безпрестанно текущей. Старецъ упражнялся въ молитвѣ, чтеніи, псалмопѣніи и рукодѣліи. Бесѣдами своими онъ подавалъ великое утѣшеніе, и съ усердіемъ вопрошавшимъ его подробно говорилъ о страстяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ, о страшной и неотдышной мысленной брани съ бѣсами, объ ихъ засадахъ, нападеніяхъ и искушеніяхъ недомысленныхъ. „И если бы, говорилъ онъ, не защищалъ людей Своихъ, по Своему человѣколюбію, истинный Спаситель, и если бы не ратоборствовалъ за вѣрныхъ Своихъ Христосъ: то поистинѣ не спасся бы ни одинъ человѣкъ изъ святыхъ, какъ ясно свидѣтельствуетъ о семь Святѣйшій Константинопольскій Патріархъ Каллистъ 2-й[11]“. Также и еще говорилъ: „но припадающему ко Христу Богу съ вѣрою и любовію, со смиреніемъ и слезами вскорѣ приходятъ душѣ неизреченныя утѣшенія, миръ, радость о Господѣ и горячая любовь къ Богу. Признаками же всего этого бываютъ обильно изливаемыя отъ любви не прелестныя слезы, самоукореніе, и не-

[10] Пр. Исаака Сирина сл. 41.

[11] Каллистъ 2-й — единодушный — Игнатію изъ монастыря Ксанфопулова.

насытное благодареніе Христу Богу. Въ этотъ часъ весь человѣкъ отъ любви къ Богу становится не чувствителенъ къ міру сему. Кто достигъ сего хотя отчасти, тотъ знаетъ, что я говорю правду".

Все это блаженный Онуфрій ясно высказывалъ отъ всей души жаждущему назиданія о. Платону. Отъ этой святой его бесѣды слушатель такъ разгорался сердцемъ, и какъ огнемъ пылалъ Божественною любовію, имѣя великую ревность къ подвигамъ духовнымъ[12], что, укрываясь гдѣ нибудь, падалъ ницъ на землю, бія въ перси свои и съ горькими слезами молясь Христу Богу, прося Его помощи. И это было началомъ исполненія его обѣтовъ (данныхъ Богу въ дѣтствѣ). Однако онъ не могъ предать себя въ послушаніе онымъ Богодухновеннымъ отцамъ, ибо они жили не въ пустыни, а въ скитахъ. А онъ боялся жить въ скиту, дабы не принудили его, какъ сказано выше, и противъ воли его принять страшное иго Священства.

Только три года и немного болѣе пробылъ блаженный Платонъ въ Валахіи, съ цѣлію обучиться Молдаво-Валахскому языку, въ особенности же, чтобы видя благопріятное время, собрать отъ оныхъ святыхъ отцевъ духовный медъ, отъ устъ ихъ истекавшій. Насладившись имъ до сытости, онъ сохранилъ его въ клѣти своего сердца, и молчаніемъ до времени запечатлѣлъ, дабы возмогъ впослѣдствіи услаждать имъ души имѣвшихъ присоединиться къ нему, и насыщать ихъ и къ добродѣтелямъ возбуждать. Ибо онъ узналъ отъ оныхъ отцевъ, — что есть истинное послушаніе, отъ котораго рождается истинное смиреніе и совершается умерщвленіе своей воли и разсужденія и всего, что въ мірѣ семъ. А это есть начало и конецъ нескончаемый истиннаго монашескаго дѣланія. И что есть видѣніе, и умное истинное безмолвіе, и вниманіе молитвы, умомъ въ сердцѣ совершаемой, не только уразумѣлъ онъ, но отчасти наслаждался и дѣйствіемъ Божественной силы ея, въ сердцѣ приснодвижущейся. Ибо не могъ бы онъ претерпѣвать такую нищету и скорбь, и радоваться со благодареніемъ во всякихъ искушеніяхъ и тѣснотахъ, и за все скорбное прославлять Бога, что сподобился нѣкіимъ образомъ быть подражателемъ своему Владыкѣ Христу, ради насъ обнищавшему, если бы сердце его отъ Божественной молитвы не было разжигаемо въ любовь къ Богу и ближнему. Любовь же Божія началась въ немъ еще въ отрочествѣ отъ чтенія книгъ, что было сѣменемъ Божественнымъ, падшимъ, по слову Господню, на добрую землю, и впослѣдствіи принесшимъ сторичные плоды Духа. Ибо тамъ между оными скитскими подвижниками, посредствомъ исполненія заповѣдей Божіихъ и упражненія въ добродѣтеляхъ нравственности, сѣмя это, укрѣпляемое непрестанною умною молитвою, содѣлало въ сердцѣ его благоуханіе Христово; будучи же поливаемо многими слезами, при содѣйствіи Божіемъ, возросло и процвѣло. Такъ о. Платонъ, укрѣпляясь Божественною умною рачительностію, преуспѣвалъ въ благодати Христовой, которая и наполнила душу его совершенною любовію къ Богу и ближнему и неизреченною радостію о Господѣ, и разжига-

[12] Изъ собственноручной повѣсти старца Паисія.

ла ее ревностію, какъ сказано, къ подвигамъ духовнымъ, подобно оленю, бѣгущему къ источникамъ водъ.

II. Пребываніе Старца Паисія на св. Афонской горѣ.

Пришло время, возжелалъ о. Платонъ видѣть и св. Афонскую гору. Потому посѣтивъ всѣхъ св. отцевъ въ своемъ скиту и въ другихъ скитахъ, и особо пребывающихъ, онъ со слезами просилъ у нихъ прощенія, молитвъ и благословенія на путь, благодаря ихъ за великую къ нему милость, любовь и духовное отеческое наставленіе. Святые же оные отцы Василій, Михаилъ и Онуфрій — какихъ словъ, какихъ моленій, какихъ совѣтованій не употребляли, не желая лишиться таковаго сподвижника? Ибо, бесѣдуя между собою, и удивляясь въ немъ благодати Божіей и добронравію, они называли его юнымъ старцемъ. Тогда блаженному было только 24 года отъ роду. Но не могши удержать его, они помолились, благословили его, и отпустили съ миромъ, поручая его волѣ Божіей. Вышедши отъ нихъ, онъ началъ искать себѣ спутника на св. Афонскую гору. Между тѣмъ онъ ничего не имѣлъ на путь, какъ только 20 паръ[13]. Впрочемъ онъ и не заботился объ этомъ, ибо возложилъ всю свою надежду на всемогущій Промыслъ Божій. Нашелъ онъ и спутника себѣ іеромонаха Трифона. Согласившись вмѣстѣ, они, воздавая благодареніе Богу, отправились въ путь. Но какихъ бѣдъ отъ мора и голода, и какихъ страховъ отъ смѣртныхъ случаевъ, болѣе же всего отъ Турокъ, претерпѣлъ юный старецъ! Только свыше помощь Божія подала ему силу все это перенести. Однако все-таки они съ радостію и благодушіемъ достигли св. Афонской горы.

Здѣсь, отступивъ немного отъ предмета, скажу вкратцѣ нѣчто, достойное плача и рыданія.

Достигши пристанища жилищь монашескихъ, юный старецъ радовался духомъ, видя святое мѣсто, гдѣ изъ древле было нудничество о душевномъ спасеніи и непрестанная брань съ бѣсами, вертоградъ и жребій Пречистой Богоматери. А въ то время оная святая гора, которая въ древности, какъ рай, цвѣла Богообразными и духовными старцами и добродѣтельными подвижниками, уже не вертоградомъ представлялась, но вертепомъ отъ бѣдствія и жилищемъ разбойниковъ. Ибо врагъ и ненавистникъ всякаго добра и губитель христіанскаго спасенія, древній сѣятель плевелъ посреди шпеницы, богоборецъ діаволъ такъ устроилъ, что гдѣ была большая святость и преподобіе, гдѣ весь міръ, въ особенности же христіанскіе народы, взирали на жившихъ въ горѣ сей, какъ на столпъ и утвержденіе православной вѣры, какъ на образъ благочестія и спасенія, благоговѣнія и всякой душевной пользы; тамъ лукавый постарался посѣять свои плевелы, что началось въ особенности съ 1721 года. Устроилъ же

[13] Пара, паричка — мелкая монета въ Молдаво-Валахіи равняется нашимъ двумъ копѣйкамъ.

онъ это чрезъ нѣкоторыхъ, пришедшихъ зломудрыхъ и страха Божія неимѣвшихъ людей, которые, считая себя мудрыми и первыми, заблудили отъ чрева и обезумѣли. Будучи заражены гордостію, они произвели безпорядки и смущенія, и для многихъ были на великій соблазнъ и душевное разореніе. *Сего ради*, какъ говоритъ Апостолъ, *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Римл. 1, 28). Видя все это, жившіе тамъ благоговѣйные и боящіеся Бога мужи, съ воздыханіемъ горько плакали и молились Господу, дабы виновные сознали свое заблужденіе и свои губительныя страсти — гордость и тщеславіе. Ибо знали они, что прогнѣванный симъ Богъ наведетъ на нихъ праведный Свой гнѣвъ, а вмѣстѣ съ ними и на неповинныхъ, за прелесть бѣсовскую, въ особенности же за нерадѣніе прельщенныхъ человѣковъ. Это вскорѣ и случилось. И по истинѣ въ то время святоименитая гора стояла на позоръ всему міру. Въ особенности же она возбуждала плачъ во всѣхъ любящихъ по Богу тихое и безмолвное, ведущее къ преуспѣянію, жительство, т. е. въ истинныхъ ревнителяхъ благочестія — въ монахахъ. Была гора уничиженная, поруганная, разграбленная, и съ разогнаными монахами, и просто сказать — была подъ владычествомъ Турокъ. Ибо всѣ святыя обители, скиты и келліи наполнены были Турками. И только немногіе нѣкоторые мужественнѣйшіе духомъ, а тѣломъ уже немощные, оставались тамъ какъ плѣнники, служившіе варварамъ, повседневно терпѣвшіе всякія бѣдствія и самую смерть, блаженные, вѣрные въ обѣтахъ своихъ рабы Христу Богу, будучи убѣждены въ томъ, что терпятъ это отъ варваровъ ради своего спасенія.

Сказавъ о семъ вкратцѣ, возвращаюсь къ своему предмету.

Достигши святой Афонской горы, и вышедши изъ корабля, отцы Платонъ и Трифонъ вошли во св. Лавру преподобнаго Афанасія, и отдохнули немного отъ пути, со слезами воздавая благодареніе Христу Богу и Пречистой Его Матери, что сподобила ихъ Царица Небесная прибыть во святый жребій Ея. Отправляясь же изъ Лавры къ своимъ братіямъ, Славянамъ, жившимъ подъ вѣдѣніемъ монастыря Пантократора, спутникъ о. Платона іеромонахъ Трифонъ сильно простудился, и впалъ въ неисцѣльную болѣзнь. Поболѣвъ четыре дня, онъ и скончался. А о. Платонъ помѣстился вблизи братій своихъ, Славянъ, въ одной калибѣ, именуемой Каперисъ. Оттуда онъ обходилъ отшельниковъ и пустынножителей, ища, по намѣренію своему, нѣкоего духовнаго отца, преуспѣвающаго въ монашескомъ дѣланіи и свѣдущаго въ Божественныхъ и отеческихъ писаніяхъ, пребывающаго на единѣ въ безмолвіи, тишинѣ и нищетѣ, которому онъ могъ бы предать себя въ послушаніе. Но по смотренію судебъ Господнихъ, онъ не обрѣлъ таковаго, и желаемаго душѣ своей послушанія не улучилъ. Потому, возложившись на Промыслъ Божій, онъ сталъ пребывать одинъ. Тогда блаженному было отъ роду 25 лѣть (1747 г.).

Но кто можетъ высказать всѣ его подвиги, когда онъ пребывалъ одинъ съ Единымъ Господомъ, объятый разженнымъ къ Богу раченіемъ? Кто могъ изчислить его колѣнопреклоненія и упражненія въ псалмопѣніи и ненасытномъ чтеніи св. Писаній? Какихъ не показалъ онъ — самопонужденія, воздержанія,

поста, алчбы и жажды, воздыханія, сѣтованія! Какихъ не испустилъ моленій, горькихъ слезъ и стенаній изъ глубины сердца! Какихъ не преодолѣлъ браней отъ гнѣва, похоти, взимающагося на разумъ Божій возношенія и лютаго для безмолвника унынія и отъ прочихъ злыхъ страстей! Какихъ не претерпѣлъ искушеній и злостраданій, болѣзней и немощей и скорбей душевныхъ и тѣлесныхъ! Ко всему этому прилагались приражнія недоумѣнія, безнадежія и отчаянія, и страшныя и лютыя мысленныя боренія, наносимыя отъ зависти бѣсовской. Но прилѣпляясь вѣрою и любовію ко Христу Богу, побѣждалъ все это юный старецъ о укрѣпляющемъ его Господѣ. И за побѣду какихъ отъ всего сердца и отъ всей души не излилъ онъ и не принесъ теплыхъ слезъ и благодареній Христу Богу! Воздержаніе же его было таково: кромѣ субботнихъ, воскресныхъ и праздничныхъ дней, вкушалъ онъ пищу черезъ день однажды, и только сухари съ водою. Нищета его и нестяжаніе были безмѣрныя; ибо онъ даже и рубашки не имѣлъ, а были у него одинъ подрясникъ и ряска — всѣ въ заплатахъ. Но онъ такъ утѣшался своей нищетой, какъ иной своимъ богатствомъ. И когда куда отходилъ, не запиралъ двери своей кельи; такъ какъ въ ней и не было ничего кромѣ книгъ, которыя онъ бралъ изъ Болгарскихъ монастырей, и читалъ прилежно съ великимъ вниманіемъ. Впрочемъ онъ скорбѣлъ и горько плакалъ о томъ, что лишился благодати Божіей — святаго послушанія. Такъ прожилъ юный старецъ, въ одиночествѣ, подвизаясь и преуспѣвая отъ силы въ силу духовную, полагая ежедневно восхожденія въ сердцѣ своемъ и разжигаясь ревностію Божественною къ большимъ подвигамъ, а вмѣстѣ и наслаждаясь огнеросною Божественною любовію въ тишайшемъ душеспасительномъ и радостотворномъ безмолвіи три года съ половиною.

Таковы были подвиги и злостраданія юнаго старца! Ибо въ томъ и состоитъ подвигъ и брань истинныхъ монаховъ противъ богоотступныхъ силъ діавольскихъ, дабы грѣшная душа, хотящая спастись, понуждалась даже до крови и смерти противустоять и помощію Божіею побѣждать ихъ.

Въ то время, по смотрѣнію Божію, прибылъ изъ Валахіи въ Святую Гору вышеупомянутый старецъ, схимонахъ о. Василій, будучи вызванъ нѣкоторымъ важнымъ лицомъ. Нашелъ онъ тамъ пребывавшаго въ безмолвіи о. Платона, и провелъ съ нимъ нѣсколько дней, поучая его и открывая ему о всѣхъ трехъ чинахъ монашескаго жительства[14], и о всѣхъ христіанскихъ таинствахъ отъ Святыхъ Писаній. А о. Платонъ со слезами просилъ блаженнаго старца облечь его въ мантію, что старецъ и исполнилъ, переименовавъ его изъ Платона Паисіемъ. И сталъ Паисій ученикомъ о. Василія. Тогда было ему 28 лѣтъ. Предавъ его Христу Богу и Пречистой Дѣвѣ Богоматери, старецъ возвратился въ Валахію, въ свой скитъ Мерлополяну.

[14] По Лѣствичнику, 1-й чинъ — жительство въ уединеніи, или отшельничествѣ, 2-й — безмолствовать съ однимъ или много — съ двумя, 3-й терпѣливо пребывать въ общежитіи (слово 1, гл. 26).

Потомъ такъ, какъ бы черезъ три мѣсяца, прибылъ изъ Валахіи во святую Гору молодой монахъ, именемъ Виссаріонъ. Обшедши нѣкоторыхъ тамошнихъ отцовъ, онъ искалъ себѣ наставника, и не нашелъ. Пришелъ онъ и къ о. Паисію, и со слезами просилъ его сказать ему слово о спасеніи души и о томъ, каковъ долженъ быть наставникъ, которому можно бы было ввѣрить свою душу. Вздохнувъ отъ сердца, блаженный заплакалъ, и немного помолчавъ, молясь въ умѣ, сказалъ: братъ! о горестномъ дѣлѣ понуждаешь ты меня говорить тебѣ, дабы обновилась болѣзнь сердца моего. Ибо и я также съ великимъ тщаніемъ и скорбію искалъ наставника, и не нашелъ. И много скорбей претерпѣлъ я, да и теперь еще терплю. Потому сочувствуя тебѣ (ибо вижу, что ты объятъ чрезмѣрною печалію, и боюсь, какъ бы не впалъ въ отчаяніе), скажу тебѣ немного, по силѣ немощнаго моего разума.

Спасеніе души, о которомъ ты меня вопрошаешь, не можетъ съ удобствомъ иначе быть совершаемо, какъ только чрезъ истиннаго духовнаго наставника, который и самъ понуждаетъ себя исполнять всѣ заповѣди Господни, по слову Господа, говорящаго: *иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется* (Матѳ. 5, 19). Ибо какъ кто можетъ наставлять другого на путь, которымъ самъ не ходилъ? Должно прежде ему самому подвизаться до крови противъ всѣхъ страстей душевныхъ и тѣлесныхъ, и при помощи Христовой побѣдить похоть и ярость, и чрезъ смиренномудріе и молитву исцѣлить разумность души своей отъ безумія и гордости; также покорить душѣ сластолюбіе, славолюбіе и лютое сребролюбіе — эти злыя эхидны міра сего, и прочія всѣ злыя страсти, противъ которыхъ Самъ Господь Іисусъ былъ начальникомъ брани и первымъ вождемъ побѣды надъ ними, по сказанному: будучи изведенъ въ пустыню, Іисусъ постомъ, смиреніемъ, нищетою, бдѣніемъ, молитвою и сопротивленіемъ отъ Божественныхъ Писаній отразилъ сатану, и далъ вѣнецъ побѣды сей на главу естества нашего, уча и насъ тѣмъ же побѣждать его, подавая намъ и силу къ тому (Лук. 4 гл.). И такъ кто всѣми этими добродѣтелями послѣдуетъ Господу своему и пріиметъ отъ Него служеніе, дабы и иныхъ души врачевать, и на заповѣди Его наставлять: тотъ, за смиреніе свое, получитъ вмѣстѣ отъ Господа и силу побѣдить и всѣ вышеупомянутыя страсти (совершенно); а затѣмъ, по благодати Христовой, въ немъ просіяетъ такое дарованіе Духа, по слову Господню: *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 16). Таковой наставникъ самыми дѣлами можетъ и ученика своего безошибочно научить всѣмъ заповѣдямъ Христовымъ и всѣмъ добродѣтелямъ, въ особенности же симъ всеобъемлющимъ: смиренію, кротости, нищетѣ Христовой, долготерпѣнію во всемъ, милосердію даже сверхъ силы, и горящей любви къ Богу, и къ ближнему отъ сердца нелицемѣрной, отъ которой рождается истинное духовное разсужденіе. Такой наставникъ научитъ и душу свою полагать за всѣ заповѣди Христовы. Все это видя и слыша, учащійся отъ него, съ вѣрою и любовію послѣдуя ему, можетъ при помощи Божіей, и чрезъ его наставленіе, преуспѣть и получить спасеніе.

Такого, братъ, слѣдовало бы намъ обрѣсти наставника. Но увы, — какое наше время! Предвидя Духомъ Святымъ злополучіе сего времени, Богоносные отцы, изъ жалости къ намъ, какъ чадамъ своимъ, въ помощь нашу оставили намъ все нужное въ святыхъ своихъ писаніяхъ. По словамъ Божественнаго Симеона Новаго Богослова, по истинѣ мало такихъ и въ особенности нынѣ, которые были бы способны должнымъ образомъ пасти и врачевать разумныя души. Пощеніе, бдѣніе и образъ благоговѣнія можетъ быть многіе и показываютъ притворно, или и на самомъ дѣлѣ усвоили, также и говорить отъ персей, и словами учить очень многіе удобно могутъ; а чтобы чрезъ смиренномудріе и всегдашній плачъ и слезы отсѣчь страсти, и усвоить себѣ неотъемлемо всеобъемлющія добродѣтели, таковыхъ весьма мало. Въ подтвержденіе же своихъ словъ Пр. Симеонъ приводитъ свидѣтельство древнихъ Святыхъ отцевъ: ибо Божественнѣйшіе отцы наши говорятъ: желающій отсѣчь страсти плачемъ отсѣкаетъ ихъ; и хотящій стяжать добродѣтели плачемъ стяжаваетъ ихъ. И такъ явно отсюда, что не плачущій на всякій день монахъ, ни страстей не отсѣкаетъ, ни добродѣтелей не совершаетъ, и никогда не бываетъ причастникомъ дарованій. Ибо иное есть добродѣтель, и иное дарованіе[15]. Потому и ближайшій къ намъ Богоносный отецъ нашъ, Российское свѣтило, Нилъ Сорскій, все это съ великимъ вниманіемъ разсмотрѣвъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, и предвидя бѣдственные наши времена, и нынѣшнее человѣческое нерадѣніе, въ своемъ предисловіи на книгу свою совѣтуетъ ревнителямъ, говоря такъ: должно съ особеннымъ тщаніемъ искать незаблудшаго наставника. Если же таковой не найдется, то святые отцы повелѣли намъ учиться отъ Божественныхъ писаній и наставленій Богоносныхъ отцевъ, слыша Самого Господа говорящаго: испытайте писанія, и въ нихъ обрящете жизнь вѣчную (Іоан. 5, 39). И если этотъ святой говоритъ это только о умномъ дѣланіи: то тѣмъ болѣе необходимо обрѣсти опытнаго дѣлателя и незаблудшаго наставника въ томъ, чтобы получить избавленіе души отъ всѣхъ злыхъ страстей, и наставиться на правый путь дѣланія заповѣдей Божіихъ.

Отсюда, братъ, вытекаетъ крайняя для насъ необходимость съ великою заботливостію и со многими слезами день и ночь поучаться въ Божественныхъ и отеческихъ писаніяхъ, и съ совѣтомъ единомысленныхъ старѣйшихъ отцевъ обучаться исполненію заповѣдей Божіихъ и дѣланію Святыхъ нашихъ отцевъ. И такимъ образомъ, по милости Божіей, при нашемъ самопонужденіи, можемъ получить и спасеніе.

Слыша все это отъ о. Паисія, подумалъ тогда въ себѣ монахъ Виссаріонъ: чего еще искать? — И тотъ часъ палъ со слезами къ ногамъ о. Паисія, умоляя его принять къ себѣ въ послушаніе. Но о. Паисій и слышать не хотѣлъ о

---

[15] См. Двѣнадцать сл. Пр. Симеона Н. Б. въ русск. пер. изданіе Оптиной Пустыни слово 8-е, начало оглавленія котораго такое: О томъ, что пастырю словеснаго стада Христова должно сперва разсмотрѣть и испытать внимательно самого себя, и проч. Впрочемъ здѣсь приводятся только мысли Пр. Симеона, а не буквальный текстъ рѣчи.

томъ, чтобы надъ кѣмъ начальствовать, такъ какъ самъ желалъ жить въ подначаліи. А тотъ, съ большимъ усердіемъ припадая къ нему со многими слезами, три дня неотступно просилъ его принять. Видя такое брата сего смиреніе и слезы, о. Паисій умилился и рѣшился принять его, впрочемъ не какъ ученика, а какъ друга, дабы жительствовать среднимъ путемъ вдвоемъ. И кому Богъ подастъ болѣе разумѣнія въ св. Писаніи, чтобы другъ другу открывать волю Божію, и возбуждать къ исполненію заповѣдей Божіихъ и ко всякому доброму дѣлу; также отсѣкать другъ передъ другомъ свою волю и разсужденіе, слушаться въ добромъ другъ друга, имѣть одну душу и одно произволеніе, и все потребное для жизни имѣть общимъ. И такимъ образомъ, опредѣливъ начало, стали жительствовать единодушно по правиламъ Св. Отцевъ. И утѣшался юный старецъ душою своею, что по благодати Божіей обрѣлъ миръ душевный въ сожитіи съ единомысленнымъ братомъ, ради отсѣченія другъ передъ другомъ своей воли и разсужденія, — что по опредѣленію отцевъ есть послушаніе. Вмѣсто же отца и наставника они имѣли ученіе святыхъ и Богоносныхъ отцевъ нашихъ. И пребывали они въ мирѣ глубокомъ, подвизаясь, горя духомъ, и повседневно полагая благое начало, дабы преуспѣвать въ совершенное смиреніе и любовь къ Богу и ближнему и другъ къ другу чрезъ исполненіе Святыхъ Божіихъ заповѣдей.

Но не долго наслаждались они такимъ тихимъ сладкимъ о Богѣ, утѣшительнымъ для души безмолвнымъ житіемъ, — всего четыре года и немного болѣе (1754 г.). Ибо другіе братія Святой горы и приходящіе изъ міра, слыша и видя такое ихъ мирное и любовное о Богѣ жительство, и сами имѣя великую къ сему ревность, неотступнымъ своимъ моленіемъ стали убѣждать старца принять ихъ въ ученики. Онъ же много лѣтъ отказывался отъ сего, и не принималъ иного четыре года, а иного три. Напослѣдокъ, будучи убѣждаемъ то непрестаннымъ усиленнымъ ихъ прошеніемъ, то плачевнымъ моленіемъ жившаго съ нимъ весьма братолюбиваго монаха Виссаріона, началъ и противъ своего желанія принимать по одному, возлагаясь на всемогущій промыслъ Божій о душевномъ и тѣлесномъ ихъ окормленіи. И въ скоромъ времени собрались около него братіи восемь человѣкъ Молдавскаго происхожденія. Поелику же они не помѣщались въ двухъ калибахъ[16], то необходимо было имъ пріобрѣсти келлію съ церковію Святаго Константина. Тогда начали присоединяться къ обществу старца Паисія и братія Славянскаго народа. И собралось всѣхъ двѣнадцать братій. И начали вычитывать и пѣть правило въ церкви по Молдавски и по Славянски. — Оказалась теперь крайняя нужда въ іеромонахѣ и духовникѣ. И вотъ, согласившись, всѣ братія начали усиленно смиреннымъ своимъ моленіемъ упрашивать старца принять священство и духовничество. Но онъ и слушать о семъ не хотѣлъ, говоря, что онъ по этой причинѣ и изъ Валахіи ушелъ. Однако какъ онъ не отказывался отъ сего со слезами, они все

[16] Въ Афонской Горѣ келліею именуется, если имѣетъ церковь; безъ церкви же называется калиби.

болѣе и болѣе также со слезами припадая къ ногамъ его, просили и умоляли не презрѣть прошенія ихъ, предлагая ему многія важныя и благословныя причины, въ особенности же следующую. Когда мы бываемъ на исповѣди у другихъ духовниковъ, говорили они, то совѣты и заповѣди, подобающія нашему жительству, которыя мы отъ тебя принимаемъ, они своими совѣтами опровергаютъ; и отъ того мы получаемъ большой душевный вредъ. Ибо и изъ духовныхъ многіе, или лѣтами, или разумомъ, юны. И Божественное Писаніе говоритъ: *Горе тебѣ граде, въ немъ же царь твой юнъ* (Еккл. 10, 16). Приведши эти слова, святые отцы говорятъ: горе братіямъ, у которыхъ начальникъ или духовникъ молодъ и съ цвѣтущимъ тѣломъ, къ тому же въ особенности если неопытенъ въ духовной жизни, который не стяжалъ ни праваго разума и духовнаго по Богу разсужденія, и не вѣдаетъ многообразія страстей и немощей душевныхъ и тѣлесныхъ. Ибо если бы онъ былъ усерднымъ исполнителемъ заповѣдей Христовыхъ: то по своей мѣрѣ не лишенъ бы былъ и дарованій отъ Господа, какъ-то: духовнаго разума и разсужденія, милосердія, смиренія и любви къ Богу и ближнему, — каковыя добродѣтели суть всеобъемлющія, или главныя и первѣйшія. Это подтверждаетъ и Св. Симеонъ Новый Богословъ, говоря, что невозможно вседушно ищущему и толкущему, по слову Господню не получить и не обогатиться дарованіями[17]. Это и многое другое высказывали братія, съ плачемъ припадая къ блаженному. А кромѣ того и почтенные старѣйшіе отцы Святой горы всячески просили и увѣщавали его не отказываться отъ іерейства; ибо знали, что онъ достоинъ былъ сего, и могъ, при помощи Божіей, привести многія души ко Господу чрезъ свои наставленія, въ особенности же любовію и смиреніемъ своимъ. И потому они неослабно совѣтовали ему, даже съ угрозою за преслушаніе, принять санъ священный, говоря: какъ же ты будешь учить братію послушанію и отсѣченію своей воли и разсужденія, будучи самъ преслушникомъ и презрителемъ слезнаго моленія столькихъ просителей и насъ? Развѣ не знаешь, что породило преслушаніе? Тогда старецъ, видя себя въ такой со всѣхъ сторонъ тѣснотѣ неудобоизбѣжной, и противъ воли покорился, сказавъ со слезами: воля Божія да будетъ! И рукоположенъ былъ во іерея, и опредѣленъ духовникомъ. И была великая радость чадамъ его духовнымъ.

Потомъ, когда Господь умножилъ братію, такъ что они не помѣщались въ церкви и келліяхъ святаго Константина, тогда старецъ Паисій, по совѣщанію съ своими братіями, выпросилъ ветхую и праздную келлію Св. Пророка Иліи тогоже монастыря Пандократора, а вмѣстѣ и благословеніе отъ Святѣйшаго Патріарха Серафима, пребывавшаго въ то время въ томъ же монастырѣ. И начали съ основанія устраивать скитъ во имя Св. Пророка Иліи. Построили церковь, трапезу, пекарню, поварню, страннопріимницу и шестнадцать келлій. Ибо старецъ имѣлъ намѣреніе болѣе пятнадцати братій отнюдь не принимать; по-

[17] См. Двѣнадцать словъ Пр. Симеона Н. Б., изданіе Оптиной пустыни, слово 2-е, откуда тоже, какъ и выше приведена мысль, а не буквальный текстъ.

тому и келлій приготовлено было на такое число. Тогда всѣ они вмѣстѣ съ радостію переселились въ скитъ, благодаря и прославляя Бога за то, что Онъ благоволилъ имъ средній путь монашескаго жительства перемѣнить на общежитіе. Тогда болѣе строго установилъ старецъ отправлять и правило церковное по чину Святой горы, раздѣливъ братію на двѣ части, Славянъ и Молдаванъ. Затѣмъ онъ имѣлъ надежду, послѣ такихъ трудовъ жить поспокойнѣе; а между тѣмъ подпалъ еще большимъ трудамъ. Ибо многіе изъ братій Святой горы и изъ новопришедшихъ, видя такое у него въ церкви благочиніе, т. е. въ пѣніи и чтеніи смиреніе, тихость и благоговѣніе, и предстояніе всѣхъ братій въ церкви съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, слово же въ дѣлѣ іереевъ и эклисіарховъ самое нужное, и отправлявшіяся ими службы съ благоговѣніемъ и кротостію, а внѣ церкви на общихъ послушаніяхъ ручные труды со смиреніемъ и молчаніемъ, и между братіями всегдашній отъ сердца миръ, любовь и отсѣченіе своей воли, къ Старцу благоговѣйное послушаніе съ вѣрою и любовію, а со стороны Старца къ духовнымъ своимъ чадамъ отеческое милосердіе, распредѣленіе по послушаніямъ благоразсмотрительное, во всякихъ тѣлесныхъ потребностяхъ ко всѣмъ сострađаніе и нелицемѣрную любовь, — все это видя, возревновали горячею ревностію присоединиться къ такому жительству. И потому неотступно своею просьбою, со слезами и частыми поклонами, убѣждали его и противъ желанія принимать ихъ. За неимѣніемъ же келлій, по необходимости, внизу подъ келліями, къ каменной стѣнѣ пристроивали по двѣ и по три келлійки. — Всѣ они вообще трудились въ рукодѣліяхъ. Самъ Старецъ днемъ, вмѣстѣ съ братіями, дѣлалъ ложки, а ночью списывалъ отеческія книги. Ибо вся жизнь его проходила во всенощномъ бдѣніи, и болѣе трехъ часовъ въ сутки онъ не могъ спать. Писаніе же отеческихъ книгъ состояло собственно въ переводѣ ихъ съ греческаго на славянскій языкъ. Ибо Старецъ, при помощи Божіей, скоро обучился не только простому греческому, но и еллинскому языку отъ одного изъ своихъ братій, по имени Макарія, хорошо знавшаго сей языкъ, и по началу переводилъ книги подъ его руководствомъ.

Вслѣдствіе сего добрая молва о старцѣ Паисіи разнеслась по всей Святой горѣ, и всѣ относились къ нему съ почтеніемъ и любовію; ибо удивлялись многимъ Божіимъ дарованіямъ въ немъ, и прославляли Бога. Онъ былъ тамъ духовникомъ многимъ великимъ отцамъ, какъ и самому выше упомянутому Святѣйшему Патріарху Серафиму. И святитель этотъ часто посѣщалъ его иногда по немощи на ослѣ, а иногда и пѣшкомъ приходилъ въ скитъ, который отстоялъ отъ монастыря какъ бы на полчаса ходьбы. Тутъ они съ наслажденіемъ бесѣдовали о духовныхъ и душеспасительныхъ предметахъ и о вѣрѣ и о разумѣ духовномъ, о мужественномъ подвижничествѣ и о дарованіяхъ наставника по разуму и ученію Богоносныхъ нашихъ отцевъ, вмѣстѣ утѣшаясь душами, и горя духомъ подражать вѣрѣ ихъ. Не одинъ разъ въ годъ бывало и то, что Святѣйшій Патріархъ и начальствующіе отцы монастыря Пандократора, по любви своей къ старцу, просили его придти къ нимъ въ монастырь, и въ день

воскресный или какой-либо праздникъ отслужить самому Божественную Литургію съ монастырскимъ діакономъ въ великой церкви. Служилъ онъ тамъ по гречески неспѣшно и благоговѣйно, со страхомъ Божіимъ, непрестанно омочая ланиты свои слезами; ибо онъ никогда не могъ безъ слезъ отслужить Святую Литургію во всю свою жизнь. Видя это, Святѣйшій Патріархъ, стоя также со слезами, приговаривалъ: слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ! А стоявшіе въ олтарѣ, видя его всего такъ къ Богу простертымъ и какъ бы измѣненнымъ и плачущимъ, едва могущимъ говорить возгласы, на столько умилялись и плакали, что иные не могли и стоять въ олтарѣ по причинѣ слезъ, выходили оттуда и, удивляясь благодати Божіей, прославляли Бога.

Одновременно съ старцемъ Паисіемъ жилъ на Святой горѣ въ Капсокаливскомъ скиту, иной старецъ Молдаванинъ по имени Афанасій, съ учениками своими. По лѣтамъ онъ былъ старше о. Паисія. Сей Афанасій, по навѣтамъ лукаваго, завидуя славѣ старца Паисія, началъ въ слухъ многимъ разносить злохуленія противъ него, называя его не только льстецомъ и прельщеннымъ человѣкомъ, но и еретикомъ. Онъ хулилъ и священную умную молитву, которой старецъ Паисій научалъ своихъ братій. Слыша все это, о. Паисій долго терпѣлъ такъ, какъ будто и ничего не слыхалъ. Но Афанасій, разжегшись до нетерпимости завистію, написалъ и послалъ къ нему письмо. Въ началѣ оно имѣло видъ дружелюбнаго наставленія, а за тѣмъ содержало многія хулы, укоризны и многія неправыя мудрованія. Получивъ это письмо, старецъ Паисій, разсмотрѣвъ все въ точности, пошелъ къ своему духовнику, объяснилъ и прочиталъ его. Затѣмъ, вмѣстѣ съ духовникомъ, они пошли къ другимъ старцамъ соборнымъ духовникамъ по сему дѣлу. Всѣ они, разсмотрѣвши оное писаніе, оскорбились, и велѣли о. Паисію написать ему отвѣтъ, обличая его заблужденіе и неправое мудрованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ они согласились, что если старецъ Афанасій не раскается и не испроситъ прощенія, обличить его на соборѣ Святой горы. Какъ духовные отцы повелѣли блаженному, такъ онъ и сдѣлалъ. Обличивъ невѣжество Афанасія четырнадцатью главами, въ которыхъ выяснено было его заблужденіе, и опровергнуты были хулы и клеветы, онъ послалъ эти главы къ нему. Прочитавъ ихъ, Афанасій созналъ свою погрѣшность, зазрѣлъ себя, раскаялся, и пришедши къ старцу Паисію, просилъ у него прощенія. Старецъ же Паисій съ радостію простилъ его, и дружелюбно побесѣдовавъ съ нимъ, открылъ ему съ любовію о своемъ съ братіею жительствѣ волю Божію, и отпустилъ его съ миромъ.

Такъ пребывалъ въ своемъ скиту старецъ Паисій. Братій же у него со дня на день прибавлялось. Собралось уже болѣе пятидесяти человѣкъ. И никакимъ образомъ онъ не могъ избѣжать того, чтобы не принимать со слезами и усерднымъ моленіемъ просившихъ его принять ихъ въ послушаніе. Чего только онъ не говорилъ? И чего не выставлялъ имъ на видъ? И недостатокъ въ келліяхъ, и трудность послушанія, и нужду въ тѣлесныхъ потребностяхъ, и во всемъ скудость. Но чѣмъ болѣе онъ съ кротостію отказывалъ имъ, тѣмъ болѣе и болѣе они, припадая къ стопамъ его, съ плачемъ и рыданіемъ умоляли его принять

ихъ. И будучи убѣждаемъ слезами ихъ, какъ отецъ милосердый и исполненный любви къ ближнимъ, Старецъ принималъ, возлагаясь на всемогущій Промыслъ Божій о душевномъ и тѣлесномъ окормленіи ихъ, какъ и выше было сказано. Потому многіе почтенные отцы совѣтовали о. Паисію взять въ свое распоряженіе монастырь, называемый Симонопетръ; ибо онъ былъ празденъ, такъ какъ былъ въ долгу. Подалъ Старецъ о семъ прошеніе Собору Святой горы, и немедленно дано было ему на это благословеніе. И такъ взявъ съ собою половинную часть братій, Старецъ переселился въ монастырь. О долгѣ же монастырскомъ онъ немного что-то слышалъ. Но въ монастырѣ этомъ пришлось ему прожить только три мѣсяца. Ибо Турки заимодавцы, услышавъ, что въ монастырѣ собралось общество монаховъ, немедленно пришли требовать долгъ; и взяли насильно съ неповиннаго Старца семь сотъ левовъ[18]. Вслѣдствіе сего, убоявшись другихъ заимодавцевъ, онъ возвратился въ скитъ.

Пребывая же въ скиту, и видя столь великую тѣсноту и скорбь братій, старецъ Паисій сокрушался и весьма скорбѣлъ душею, представляя неудобность мѣста и совершенную невозможность общежитія на Святой горѣ такому единодушному обществу, и впереди не видя надежды къ благоустроенію обители. И вотъ съ общаго совѣта стали они готовиться къ переходу въ Валахію въ страну Мунтянскую. Узнавъ объ этомъ, Святѣйшій Патріархъ Серафимъ и другіе почтенные отцы Святой горы весьма начали сожалѣть о томъ, что Старецъ намѣренъ удалиться отъ нихъ. Пришедши къ нему въ скитъ, они много увѣщавали и просили его не оставлять Св. гору. Но когда узнали такую ихъ крайнюю нужду и великое утѣсненіе для братства и печаль самого Старца, то сказали: воля Божія да будетъ!

И упалъ Старецъ къ ногамъ Святѣйшаго Патріарха, лобызая ихъ со многими слезами, и прося у него послѣдняго благословенія. Также и Святѣйшій Патріархъ плакалъ, и со многимъ сожаленіемъ благословилъ его, обнимая и лобызая главу его, и со скорбію возвратился въ свой монастырь. Старецъ же распростился и со всѣми духовными отцами, испросивъ у всѣхъ на путь молитвъ и благословеніе.

III. Возвращеніе Старца Паисія съ учениками въ Валахію.

Когда все готово было къ отбытію, нанялъ Старецъ два корабля, и въ одинъ вошелъ самъ съ своими учениками Славянами, а въ другой отецъ Виссаріонъ съ Молдаванами. Всѣхъ братій тогда у него было шестьдесятъ четыре человѣка. При помощи Божіей, они благополучно доплыли до Царьграда, а отъ Царьграда до Галаца; и вышедши на сушу, прибыли въ Валахію, въ скитъ именуемый Варзарегита. Но такъ какъ мѣста для жительства въ странѣ для нихъ не нашлось, то старецъ Паисій по этому поводу прибылъ въ Яссы, гдѣ и при-

[18] Левъ на наши деньги копѣекъ 6 или 7.

нятъ былъ съ любовію митрополитомъ Гавріиломъ и благочестивымъ господаремъ Григоріемъ Каллимахомъ воеводою. Въ удовлетвореніе нуждъ Старца съ братіею данъ былъ ему въ распоряженіе монастырь Сошествія Св. Духа, именуемый Драгомирна со всѣми его вотчинами. Благочестивый воевода утвердилъ грамотою, чтобы монастырь этотъ, со всѣмъ его братствомъ, былъ свободенъ отъ всѣхъ податей; а Преосвященный митрополитъ попросилъ Епископа Радоуцкаго, чтобы передалъ старцу Паисію монастырь со всякою любовію и подобающею честію. И вселился тамъ Старецъ со всѣмъ соборомъ своего братства, благодаря и прославляя Бога, съ радостными слезами, о непостижимыхъ судьбахъ Его и безконечномъ милосердіи, что приклонилъ сердца всѣхъ на любовь и милосердіе къ нимъ страннымъ.

Спустя немного времени пришелъ посѣтить старца Паисія съ его братіею, изъ скита Мерлополяны Валахской страны, любезнѣйшій его, еще и въ училищахъ бывшій другъ, іеромонахъ отецъ Алексѣй, также ученикъ старца Василія, и прожилъ въ монастырѣ Драгомирнѣ всю зиму, будучи задержанъ здѣсь любовію старца, ибо они часто наслаждались духовными бесѣдами. И возжелалъ старецъ Паисій, дабы отецъ Алексій постригъ его въ схиму, такъ какъ оба они были учениками одного старца. Желаніе о. Паисія было исполнено, но имя ему не было перемѣнено; а какъ онъ наименованъ былъ Паисіемъ при постригѣ въ мантію отъ старца Василія, такое имя оставлено было ему и въ схимѣ. Отъ сего случая все братство было въ неизреченной радости. Послѣ же праздника пресвѣтлаго Воскресенія Христова, когда о. Алексій возвращался восвояси, старецъ Паисій со всѣми братіями провожалъ его съ великою любовію и благоговѣніемъ. Этотъ о. Алексій послѣ старцевъ отцевъ Василія и Өеодосія былъ въ скиту Мерлополянѣ старцемъ.

Послѣ сего блаженный старецъ Паисій, отдохнувъ немного отъ трудовъ, началъ возобновлять и установлять чинъ своего общежитія по уставу Богоносныхъ отцевъ нашихъ, Василія Великаго и научившихся отъ него Өеодосія Великаго и Өеодора Студита, начальниковъ общежитія. Это не то значило, чтобы чинъ этотъ только начинался; ибо онъ еще на Святой горѣ введенъ былъ старцемъ Паисіемъ среди своего братства, и соблюдался; но послѣ перемѣщенія, соединеннаго съ суетою, онъ дѣйствительно какъ бы вновь начинался, и обновляясь устанавливался. — Во первыхъ, въ церкви положено было соблюдать чинъ Святой горы, по уставу Православной Соборной Восточной Церкви, какъ и прежде было. Пѣть опредѣлено было на правомъ клиросѣ по Славянски, а на лѣвомъ — по Молдавски. Во вторыхъ, положено было, чтобы никто изъ братій ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ что-либо изъ вещей называть: это мое, а это твое; но все посылаемое отъ Бога, имѣть общимъ, съ завѣщаніемъ строго соблюдать правило общежитія. А что кому было нужно, всѣмъ подавалось отъ Старца. Трапеза для всѣхъ была общая, кромѣ больныхъ, весьма престарѣлыхъ и калѣкъ. Послушанія внутри монастыря, какъ то: въ поварнѣ, пекарнѣ и прочія должны были исполняться самими братіями. Разныя рукодѣлія, нужныя въ общежитіи, братія должны дѣлать со страхомъ Божіимъ,

и каждый по силѣ своей, а не насильно и съ смущеніемъ. Въ общихъ нѣкоторыхъ послушаніяхъ преслушаніе, прекословіе и самочиніе, которыми разоряются заповѣди Божіи, должны были быть изгнаны изъ души всякаго брата; а чтобы вмѣсто сего первенствовали и царствовали въ братствѣ послушаніе, смиреніе, терпѣніе и миръ, любовь и страхъ Божій, и надъ всѣмъ симъ всесовершенное отсѣченіе своей воли и своего разсужденія. На общихъ послушаніяхъ положено было блюсти молчаніе устъ; въ умѣ же да дѣйствуется тайно и хранится молитва. И самъ старецъ часто выходилъ съ братіями на общія послушанія, и вмѣстѣ со всѣми трудился со всякимъ смиренномудріемъ, молчаніемъ и молитвою, подавая собою всѣмъ примѣръ смиренія и любви, и говоря: братія! никто изъ васъ не долженъ оставаться въ праздности, кромѣ крайне немощныхъ и престарѣлыхъ; ибо отъ праздности раждается всякое зло. Въ келліяхъ на единѣ братія должны упражняться въ чтеніи писаній Богоносныхъ Отцевъ и молитвѣ, умомъ въ сердцѣ художественно совершаемой, по преуспѣянію каждаго, полагая по силѣ частые поклоны со слезами. Всѣ братія, и въ особенности новоначальные должны были всякій вечеръ открывать свои помыслы духовнымъ отцамъ. Ибо откровеніе это есть основаніе истиннаго покаянія и прощенія грѣховъ, и надежда спасенія душѣ, съ печалію истинно кающейся въ грѣхахъ. А если бы случилось между нѣкоторыми братіями какое-либо неудовольствіе, то непремѣнно въ тотъ же день должно было послѣдовать и искреннее примиреніе, по Писанію: *солнце да не зайдетъ въ гнѣвѣ вашемъ* (Ефес. 4, 26). Если же кто такъ ожесточился бы, что и не захотѣлъ бы примириться, таковаго старецъ подвергалъ отлученію, чтобы онъ и на порогъ церковный не вступалъ, и молитву „Отче нашъ" не читалъ, пока не смирится. — На послушанія внѣ монастыря старецъ опредѣлялъ и посылалъ такихъ братій, отъ которыхъ не могло бы произойти какого либо соблазна для мірянъ, ни вреда для душъ ихъ самихъ. — Если за какимъ либо дѣломъ неизбѣжно слѣдовало бы нѣчто, ведущее къ преступленію заповѣди, то повеленное дѣло должно было оставлять. Лучше, говорилъ старецъ, оставить дѣло безъ исполненія, нежели презрѣть заповѣдь Божію и подвергнуться вѣчному осужденію. Вообще же сказать: въ обители, какъ внутри, такъ и внѣ, во всѣхъ послушаніяхъ, старецъ Паисій всегда старался, чтобы между всѣми братіями были миръ и любовь по Богу, благоговѣніе и страхъ Божій, смиреніе и повиновеніе со всесовершеннымъ отсѣченіемъ своей воли и своего разсужденія предъ Старцемъ и другъ передъ другомъ.

Также ввелъ старецъ Паисій въ своей обители и всѣ прочіе порядки, по уставу св. Василія Великаго и другихъ Богоносныхъ Отцевъ, заповѣдавъ хранить ихъ ненарушимо, и заключивъ угроженіемъ за преступленія духовными епитиміями, вмѣстѣ съ тѣмъ изливая на всѣхъ своихъ духовныхъ чадъ отеческое свое милосердіе, и нелицемѣрною любовію всѣхъ объемля и согрѣвая и поучая, благоразсмотрительно опредѣляя послушаніе каждому по его силѣ, дабы всѣ трудились благодушно и съ усердіемъ. — Больныхъ, весьма немощныхъ и престарѣлыхъ повелѣлъ старецъ лѣчить въ больницѣ и всячески успокоивать

возлюбленному брату Гонорію, который нѣсколько знакомъ былъ съ врачебнымъ искусствомъ. Мужъ этотъ и духовною бесѣдою могъ утѣшать, и въ тѣлесныхъ нуждахъ былъ весьма милостивъ; ибо чрезъ святое и усердное свое послушаніе и смиреніе преуспѣлъ въ горячую любовь къ Богу и ближнему и въ разумъ духовный. Потому и блаженный старецъ имѣлъ сего прелюбезнѣйшаго ему брата надъ больными, какъ свой глазъ. Ему только одному и дана была свобода, ради больныхъ, самому брать въ келліи старцевой деньги, сколько-бы онъ ни захотѣлъ. Его же послѣ своей кончины по прошествіи одного года (1795), Старецъ, по волѣ Божіей, взялъ къ себѣ и въ небесный покой.

Затѣмъ, все время проживая съ братіями природными Молдаванами, вышеупомянутымъ Макаріемъ и Илларіономъ Даскаломъ и съ другими, знавшими Еллиногреческій языкъ, старецъ Паисій трудился въ переводѣ Отеческихъ и Богословскихъ книгъ на Молдавскій и Славянскій языки. И когда, въ зимнее время, всѣ братія собирались съ послушаній внѣмонастырскихъ, и наступалъ постъ Рождества Христова: тогда старецъ начиналъ, изъ переведенныхъ имъ книгъ, говорить поученія ко всему вообще братству съ первой недѣли поста, и продолжалъ до субботы Лазаревой. Каждодневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, собирались всѣ братія по вечерамъ въ трапезу, зажигались свѣчи, и приходилъ Старецъ. Онъ садился на обычномъ своемъ мѣстѣ, и читалъ или подвижническую книгу Св. Василія Великаго, или Св. Іоанна Лѣствичника, или Св. Дорофея, или Св. Ѳеодора Студита, или Св. Симеона Новаго Богослова, или инаго какого-либо изъ Богоносныхъ отцевъ. Въ одинъ вечеръ читалъ онъ поученіе на Славянскомъ языкѣ, а въ другой на Молдавскомъ, И когда на одномъ какомъ либо языкѣ бывало поученіе, тогда братія другаго языка читали для себя повечеріе. А старецъ, читая поученіе, въ то же время толковалъ, приводя свидетельства изъ Святаго Писанія обоихъ завѣтовъ и изъ ученія Богоносныхъ отцевъ, и говорилъ (примѣрно) такъ:

Братія и отцы! Съ болѣзнованіемъ сердца намъ должно заботиться (о спасеніи душевномъ), какъ учатъ Божественные отцы. Ибо Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: хотя бы мы и великіе подвиги проходили въ жизни нашей, но если мы не пріобрѣли болѣзнующаго сердца, то всѣ они притворны и суетны“[19] И Григорій Синаитъ говоритъ: болѣзнованіе сердечное и смиреніе и трудъ послушанія, по силѣ каждаго, съ правотою сердца обыкновенно дѣлаютъ дѣло, какъ оно есть по истинѣ“. — И еще онъ же говоритъ: „всякое дѣланіе, тѣлесное и духовное, не имѣющее болѣзнованія или труда, никогда не приноситъ плода проходящему его; потому что *съ нуждею воспріемлется Царствіе Небесное*, говоритъ Господь, *и нуждницы восхищаютъ е* (Матѳ. 11, 12). — Многіе много лѣтъ дѣлали или дѣлаютъ безболѣзненно и поелику не приболѣзненно, съ горячимъ усердіемъ сердца, поднимали и подъемлютъ труды покаянія, то оказывались и оказываются чуждыми чистоты и непричастными Духа Святаго. — И еще: съ небреженіемъ, лѣностію и слабостію

[19] Лѣствица Оптинскаго изд. Слово 7 гл. 64.

дѣлающіе, можетъ быть, какъ имъ думается и много трудятся; но никогда не собираютъ плодовъ. А кромѣ сего безболѣзненно монашествующіе отъ унынія впадаютъ въ неполезныя попеченія и помрачаются".[20] И Св. Симеонъ Новый Богословъ говоритъ: посему я и говорю, что тѣ, которые покаяніемъ и слезами, смиреніемъ, послушаніемъ и терпѣніемъ, паче же нищетою и злостраданіемъ, и перенесеніемъ насмѣшекъ и поруганій не подражали страстямъ Христовымъ, и причастниками поносной смерти Его не были, не бываютъ здѣсь причастниками и духовнаго Его воскресенія, и не получаютъ благодати Св. Духа. — За какія же другія дѣла прославимся съ Нимъ? Ибо Божественный Павелъ говоритъ: если съ Нимъ страдаемъ, то съ Нимъ и прославимся (Римл. 8, 17). Если же мы стыдимся подражать страстямъ Его, которыя Онъ претерпѣлъ за насъ, и живетъ въ насъ нежеланіе терпѣть это, т. е. земное мудрованіе плоти: то явно, что и славы Его не будемъ причастниками[21]. И еще: безъ покаянія и слезъ, какъ мы сказали, ни одно изъ сихъ (дарованій) ни въ насъ самихъ, ни въ другихъ нѣкоторыхъ никогда не было и не будетъ. Ибо и изъ Божественныхъ писаній никто не докажетъ, чтобы кто либо изъ людей возмогъ безъ слезъ и всегдашняго умиленія очиститься отъ страстей, или содѣлаться святымъ, или принять Духа Святаго, или узрѣть Бога, или ощутить Его посѣщеніе внутрь себя, или когда принять Его совершенно обитателемъ въ сердце свое, — если т. е. не предваритъ покаяніе и умиленіе. — Сіе же все содѣлаетъ Божественный огнь умиленія вмѣстѣ со слезами, или лучше посредствомъ слезъ[22]. И еще говоритъ: смотрите, какъ бы вамъ не обмануться мнѣніемъ, будто имѣете въ себѣ Христа, ничего не имѣя, и не отойдти изъ сей жизни съ пустыми руками. Тогда вы восплачете и возрыдаете[23].

Все это старецъ Паисій говорилъ отъ Богоносныхъ отцевъ братіямъ со слезами, убѣждая ихъ, дабы понуждались съ горячимъ усердіемъ къ исполненію заповѣдей Христовыхъ. Ибо все его ученіе, болѣзнованіе и попеченіе (о братіяхъ) направлялось къ той цѣли, чтобы всѣ вообще, всѣмъ сердцемъ и всею душою хранили заповѣди Божіи, дабы время, данное отъ Бога на покаяніе, не прожить въ нерадѣніи и не остаться безплодными. Въ концѣ же поученія старецъ всегда прилагалъ и нѣкоторое нравоученіе объ исправленіи случавшихся между братіями погрѣшностей. Ибо онъ, болѣе иныхъ страстей, особенно боялся совращенія (съ пути истины) и паденія юныхъ и злолютой страсти сребролюбія, лучше же сказать — златолюбія и веществолюбія — корня всѣхъ золъ, какъ сказано въ Божественномъ Писаніи (1 Тимоѳ. 6, 10); почему и почти на всякомъ поученіи приводилъ въ примѣръ Ананію и Сапфиру. Ибо онъ достовѣрно напередъ зналъ, — о чемъ и весьма скорбѣлъ, — что если эта

---

[20] Русское Добротолюб. т. V Св. Григорія Синаита статья 3-я о безмолвіи и молитвѣ, гл. II О чтеніи. — Вставочныя слова заимствованы изъ славян. подлинника.

[21] Двѣнаддать словъ Пр. Симеона Н. Б. Изданіе Оптинс. 1869 г. слово 2, стр. 25, и выше стр. 24. — Вставочныя слова изъ подлинника.

[22] Двѣнадцать словъ Пр. Симеона Н. Б. Изданіе Оптинс. 1869 г. слово 6, стр. 98.

[23] Тамъ же, конецъ 5 слова. Текстъ переведенъ по русскому перев.

злолютая страсть любоимѣнія воровски войдетъ въ его братство, и если увлекутся ею любители ея: то заведенное имъ общежитіе немедленно разорится до основанія; что впослѣдствіи и случилось. Въ самомъ дѣлѣ, открыто и дерзновенно говорить — это твое, а это — мое, и имѣть собственность, и каждому заботиться о себѣ и питаться, не есть ли это всесовершенное разореніе единодушнаго общежитія. Потому еще издавна въ монастыряхъ Драгомирнѣ и Секулѣ, предохраняя братію (отъ упомянутой страсти), онъ прикровенно обличалъ ихъ; и показывая путь дѣланія заповѣдей Христовыхъ, часто со слезами увѣщавалъ ихъ говоря:

Братіе! если будете усердно понуждаться къ чтенію Отеческихъ книгъ, и чрезъ содержащееся въ нихъ ученіе всегда себя исправлять и разогрѣвать (души свои), по сказанному: *согрѣяся сердце мое во мнѣ, и въ поученіи моемъ разгорится огнь* (Пс. 38, 4): также если будете понуждать себя къ прилежному моленію на всякій день со слезами предъ Богомъ и къ дѣланію святыхъ Его заповѣдей: то подастся вамъ отъ Христа Бога теплое усердіе и ревность. И пусть никто не говоритъ, что невозможно на всякій день плакать. Ибо говорящій сіе говоритъ и то, что невозможно и каяться на всякій день. И таковые извращаютъ и самую заповѣдь Господню какъ говоритъ Божественный Симеонъ Новый Богословъ[24].

Прежде же всего этого должно вамъ, братіе, несомнѣнно, съ твердою вѣрою и теплою любовію, приступить ко Господу, и, по слову Его, всесовершенно отречься міра сего и всѣхъ его красотъ и сладостей, а еще и своей воли, и своего разсужденія, и быть нищими духомъ и тѣломъ. И такимъ образомъ возжется въ душахъ совершенныхъ святая ревность. По времени же, при возрастаніи сего дѣланія, подадутся отъ Господа, по мѣрѣ дѣланія, слезы, плачъ и малая нѣкая надежда въ утѣшеніе души; а потомъ алчба и жажда правды, то есть разженное усердіе дабы ко всѣмъ заповѣдямъ Его направляться (Пс. 118, 128), какъ то: къ смиренію, терпѣнію, милосердію и любви ко всѣмъ, въ особенности же къ бѣдствующимъ душевно, также и къ больнымъ (тѣломъ), злостраждущимъ и престарѣлымъ, что все, по Божественному Апостолу, суть плоды Духа. И чтобы сносить немощи ближняго, и полагать душу свою за брата, и претерпѣвать случающіяся искушенія, то есть обиды, поношенія, укоризны, досажденія, и отъ всей души прощать другъ другу всякія огорченія и оскорбленія, и чтобы любить враговъ, благословлять кдянущихъ васъ, добро творить ненавидящимъ васъ, и молиться за творящихъ вамъ напасти, что все суть верховныя заповѣди Христовы. Ко всему этому и чтобы мужественно и со благодареніемъ претерпѣвать находящія и тѣлесныя многоразличныя искушенія: немощи, болѣзни, раны, лютыя и безутѣшныя временныя злостраданія ради вѣчнаго спасенія душъ своихъ. И такимъ образомъ вы достигнете въ мужа совершенна, въ мѣру духовнаго возраста исполненія Христова (Ефес. 4, 13). И если пребудете въ такомъ самопонужденіи, то устоитъ и общежитіе это до тѣхъ поръ, по-

[24] Двѣнадцать словъ Пр. Симеона Н. Б. слово 6-е стр. 100.

ка Господь восхощетъ. Если же вознерадите о томъ, чтобы внимать себѣ, и о чтеніи книгъ отеческихъ, то отпадете отъ мира Христова и любви, то есть отъ дѣланія заповѣдей Христовыхъ, и водворится между вами мятежъ, молва и неустройство, душевное смущеніе, малодушіе и безнадежіе, другъ на друга роптаніе и осужденіе. *И за умножененіе сихъ беззаконій иссякнетъ любы многихъ* (Матѳ. 24, 12), вѣрнѣе же сказать, мало и не всѣхъ. И если такъ это будетъ, то вскорѣ разорится и общежитіе это, сначала душевно, а по времени и тѣлесно.

Этими и подобными имъ весьма многими наставленіями старецъ Паисій издавна, какъ сказано, со слезами предохранялъ всѣхъ, малыхъ и великихъ, молилъ и увѣщавалъ твердо и всею душею держаться тихаго, мирнаго и любовнаго, по заповѣдямъ Христовымъ, жительства. И такое имѣлъ онъ дарованіе, что словами своими и самаго унылаго могъ воздвигнуть къ ревности, и печальнаго утѣшить. А когда не могъ инаго, весьма смутившагося и скорбящаго душею, умиротворять словами, такого увѣряя, со слезами увѣщавалъ и утѣшалъ, говоря, что радуется Господь о его покаяніи, и убѣждалъ имѣть твердую надежду на милосердіе Христово; инаго же наконецъ въ потребностяхъ утѣшалъ своею щедродательностію. А гдѣ было нужно, обличалъ, запрещалъ, умолялъ, отлучалъ и долготерпѣлъ. По многократномъ же повтореніи сихъ способовъ, если иной не исправлялся, такого удалялъ (изъ обители). И такъ, къ одному только ожесточенному, самочинному и развратившемуся, съ прещеніемъ гнѣва Божія, относился онъ строго-взыскательно, какъ объ этомъ выше кратко сказано. Тутъ онъ являлся, какъ нѣкій грозный судія, гнѣваясь на таковаго, пока не смирится и покается; и тогда утѣшалъ его, наставляя и вразумляя ко исправленію съ любовію и со слезами. И никто не отходилъ отъ него не исцѣленнымъ.

О гнѣвѣ же своемъ самъ старецъ одному духовному брату, на вопросъ его, отвѣтилъ такъ: а что я съ гнѣвомъ укоряю васъ, то далъ бы Господь и вамъ имѣть таковой гнѣвъ! Ибо я поставленъ въ необходимость противиться стремленіямъ каждаго изъ васъ; и предъ инымъ показываться имѣющимъ гнѣвъ, котораго, по благодати Божіей, я никогда не имѣю, а предъ другимъ плакать, дабы тѣмъ и другимъ, или, какъ говоритъ Апостолъ, десными и шуіими доставить вамъ пользу. Быть же рабомъ страсти гнѣвной да не будетъ мнѣ! Подобнымъ образомъ и когда говорилъ что въ нравоученіе братіямъ, возбуждая въ нихъ любовь и дерзновеніе къ нему, часто такъ бесѣдовалъ: не хочу я, братіе, чтобы кто меня боялся, какъ какого страшнаго властелина; но чтобы всѣ любили меня, какъ и я люблю васъ о Господѣ, какъ моихъ духовныхъ чадъ.

Скажемъ и о разсужденіи сего пастыря духовнаго. Такой установленъ былъ въ его братствѣ порядокъ, чтобы всякій духовный отецъ объяснялъ ему о всякомъ братѣ, котораго самъ не могъ умиротворить, и о причинѣ его смущенія. Причины же скорбей приключались братіямъ, какъ человѣкамъ, таковыя: другъ другу прекословія, укоризны и досажденія, и подобное сему. И когда какой либо братъ, одержимый скорбію, входилъ къ старцу въ келлію, старецъ уже ура-

зумѣвалъ, что у него на сердцѣ; и вскорѣ, преподавъ ему благословеніе, самъ, предваряя его, начиналъ безпрерывно бесѣдовать къ нему, не давая самому ему говорить; и сладчайшими и утѣшительными словами своими далеко отводилъ умъ его отъ постигшей его скорби. Во время же своего бесѣдованія старецъ всматривался въ лице онаго брата, и замѣчалъ устроеніе его нрава, разумъ и послушаніе. И если братъ былъ человѣкъ разумный, то старецъ имѣлъ обыкновеніе высказывать ему что либо высокое, и затѣмъ приводилъ толкованіе онаго Богоносными отцами. Къ сему прилагалъ и еще нѣчто болѣе высокое, и такъ удивлялъ и утѣшалъ его душу, что тотъ отъ радости духовной вмѣнялъ все мірское — славу, радость и скорби въ мерзость и мечту. Если же братъ былъ простецъ, то рѣчь свою къ нему старецъ заимствовалъ или отъ обычныхъ дѣлъ, или отъ святаго послушанія, и своими дивными словами восхищалъ умъ его отъ скорби, и этого опять такъ утѣшалъ, что онъ отъ радости духовной укорялъ и себя и приключившуюся ему скорбь. А потомъ братъ, или тотъ или этотъ, войдя въ себя, и ощутивъ свою душу исполненною мира и радости духовной, бывшія же смущеніе и скорби исчезнувшія какъ дымъ отъ вѣтра, уже ни о чемъ не вспоминая, но принявъ отъ старца благословеніе, отходилъ въ радости, благодаря Бога. О, Божественная мудрость и любовь сего блаженнаго отца! Призывалъ брата не съ тѣмъ, чтобы укорить его, или побранить, или подвергнуть запрещенію, но дабы утѣшить его, и умиротворить душу его и сердце. А какъ и что можно сказать о его сладкорѣчіи? Ибо всѣ его духовныя дѣти готовы были повседневно стоять предъ нимъ неотступно, дабы наслаждаться зрѣніемъ свѣтлаго его лица и сладкою его бесѣдою. Потому и всѣ братія, малые и великіе проводили дни свои въ глубокомъ мирѣ, любви и радости духовной. — До девятаго часа (вечера) двери у старца никогда не затворялись. Ибо иные приходили къ нему по причинѣ тѣлесныхъ потребностей, а другіе съ нуждами душевными. И съ однимъ старецъ плакалъ; а утѣшивъ его, съ другимъ радовался, какъ будто и скорби никакой не имѣлъ. По душевному своему устроенію старецъ былъ, какъ незлобивое дитя, по истинѣ безстрастный и святый мужъ. Никогда не видѣли его скорбѣвшимъ о чемъ либо вещественномъ, хотя бы и важная какая случилась убыль. Тогда только онъ скорбѣлъ, когда видѣлъ какого либо брата, въ чемъ либо преступающаго заповѣдь Божію, особенно по произволенію. Ибо и за одну малѣйшую заповѣдь Владыки Христа старецъ готовъ былъ душу свою положить и говорилъ: пусть все наше (пріобрѣтеніе) разорится, пусть погибнетъ и дѣло какое-нибудь; только бы соблюдены были нами заповѣди Божіи, и ради ихъ души наши.

Многократно старецъ Паисій говорилъ духовнымъ своимъ дѣтямъ и сіе: когда я вижу чадъ моихъ духовныхъ подвизающимися и понуждающимися къ храненію заповѣдей Божіихъ, и отсѣкающихъ волю свою, и невѣрующихъ своему разсужденію, и живущихъ въ страхѣ Божіемъ и со смиреніемъ проходящихъ святое послушаніе: то такую неизреченную радость ощущаю въ душѣ моей, что не желаю большей радости имѣть и въ царствіи небесномъ. Если же вижу нѣкоторыхъ нерадящихъ о заповѣдяхъ Божіихъ, и держащихся своей во-

ли, вѣрующихъ своему разсужденію, и живущихъ безъ страха Божія, и святое послушаніе презирающихъ, отъ самочинія же и самоугодія объятыхъ лѣностію и ропщущихъ, то такая печаль объемлетъ мою душу, что большей печали для меня и во адѣ не можетъ быть, пока не увижу ихъ истинно покаявшихся.

И начали братія отъ поученій отца своего и отъ чтенія Божественныхъ писаній разогрѣваться (сердцами своими) и преуспѣвать въ любви къ Богу и въ терпѣніи, заповѣданномъ Іисусомъ Христомъ, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Ибо это и невозможно. Но одни изъ нихъ, которые и были въ большомъ количествѣ, достигли великой любви къ Богу и ближнему, и чрезъ послушаніе и смиреніе совершенно умертвили свою волю и разсужденіе, считая себя прахомъ и перстію и подножіемъ всѣхъ братій, и даже окаяннѣйшими всей твари. Ибо непрестанно, въ тайнѣ своего сердца, укоряя себя предъ Богомъ, они претерпѣвали поношенія, безчестія, укоризны, досажденія и всякій родъ искушеній съ великою радостію и великимъ благодареніемъ Бога, принимая все это какъ благодать Божію, и всегда желая сего. Другіе же, въ меньшемъ количествѣ, падали и возставали, т. е. согрѣшали (малыми грѣхами), и тотъ часъ каялись, претерпѣвая также укоризны, поношенія, и искушенія, хотя и съ трудомъ и горечью; однако вседушно понуждались достигнуть первыхъ, и о семъ усердно и со слезами непрестанно молились Богу. А иные, немногіе числомъ, были слабы и немощны душею, какъ младенцы, не имѣя еще возможности принимать твердую пищу, т. е. претерпѣватъ укоризны и поношенія. Для воспитанія своего они еще требовали млека милости и человѣколюбія и снисхожденія къ ихъ немощамъ, пока не достигнутъ духовнаго возраста терпѣнія. Они восполняли скудость свою однимъ только благимъ произволеніемъ и всегдашнимъ самоукореніемъ, многократно и выше силы своей понуждаясь претерпѣвать укоризны и поношенія и оставлять свою волю, великій трудъ и потъ, какъ кровь, изливая предъ Богомъ, и въ этомъ непрестанно прося помощи у Бога. Таковые хотя были самыми немощными, однако сочтены будутъ у Бога, какъ понуждающіе себя ради полученія царствія небеснаго. — Вообще же всѣ, хотя, какъ сказано, и не въ одинаковой мѣрѣ, понуждали себя исполнять заповѣди Христа Бога нашего, и жить по ученію Богоносныхъ отцевъ. Ибо, какъ говоритъ св. Исаакъ, сокровенное дѣланіе заповѣдей врачуетъ душевную силу. И сіе произошло не просто и какъ ни есть, такъ какъ написано, что *безъ кровопролитія не бываетъ оставленія* (Евр. 9, 22)[25].

Радовался блаженный старецъ, видя духовныхъ чадъ своихъ такъ усердно подвизавшимися; благодарилъ и прославлялъ со слезами Бога, а вмѣстѣ и молилъ Его укрѣпить ихъ Своею благодатію на большій подвигъ; и непрестанно поучая, возбуждалъ ихъ къ большему усердно, говоря: чада! не унывайте, куплю дѣюще (Лук. 19, 13). Ибо *се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія*, говоритъ Апостолъ (2 Кор. 6, 2). И можно было тогда видѣть въ монастырѣ Драгомирнѣ монашеское жительство, какъ новое чудо, или Богонасаж-

[25] Св. Исаака Сирина подвижн. слова. Русскій перев. 1858 г., слово 55, стран. 374.

денный земной рай. Ибо люди, будучи живы, отсѣкши свою волю ради любви Божіей, волею своею и всѣми чувствами были для міра сего мертвецы, т. е. какъ слѣпые, нѣмые и глухіе. Но какъ можно подробно высказать ихъ сокровенное дѣланіе? Развѣ только скажемъ немногое, какъ то: о ихъ сокрушеніи сердечномъ, глубокомъ смиреніи, о страхѣ Божіемъ и благоговѣніи, о вниманіи и молчаніи мысли, о приснодвижной въ сердцѣ молитвѣ, горящей неизреченною любовію ко Христу Богу и ближнему; такъ что многіе изъ нихъ не только на единѣ въ келліи, но и въ церкви и въ собраніи на послушаніяхъ, и во время бесѣды духовной, непрестанно источали слезы. А это показывало въ нихъ плоды Духа, т. е. вѣру, кротость и ихъ любовь сердца къ Господу. Справедливо сказалъ Св. Исаакъ: собраніе смиренныхъ возлюблено Богомъ, какъ соборъ Серафимовъ[26]. Во время такого мирнаго пребыванія братства въ монастырѣ Драгомирнѣ, приключилась и скорбь блаженному старцу и всѣмъ братіямъ. Первый единодушный его другъ, о. Виссаріонъ, по Божіему благоизволенію, отошелъ ко Господу на вѣчный покой. Какъ старецъ, такъ и всѣ братія горько плакали о немъ. И установилъ старецъ ежегодно совершать въ память его соборную панихиду, и всему братству предлагать праздничную трапезу. Что и продолжалось до кончины старца Паисія.

Таково было оное благоговѣйное и исполненное святыни братство въ монастырѣ Драгомирнѣ, въ которомъ старецъ Паисій многими трудами и слезами возобновилъ древній монашескій единодушный чинъ. Ибо смотрѣніемъ Божіимъ совокупивъ многія души во единодушіе и единомысліе и связавъ ихъ любовію Божіею и смиреніемъ Христовымъ, онъ самъ перваго себя во всемъ поставилъ примѣромъ для всѣхъ, и утвердилъ общее жительство, имѣвшее все подобіе общихъ житій Святыхъ отцевъ. И всѣ братія понуждались, сколько возможно, слѣдовать и подражать жительству сему и хранить чины и уставы его въ тѣ (по выраженію современника) бѣдственныя и плачу и рыданію достойныя времена.

Но тогда какъ братство старца Паисія, пребывая въ монастырѣ Драгомирнѣ, наслаждалось глубокимъ миромъ, содѣвая свое душевное спасеніе, неожиданно возстала страшная буря и страхъ смертный. Между двумя имперіями, Российскою и Турецкою возгорѣлась война (1768 г.). Кромѣ сего Божіимъ попущеніемъ случилась и еще иная пагуба и страхъ смерти, — моръ и голодъ (1771 г.). Но эти послѣднія горестныя бѣды, по милосердію Христову, вскорѣ миновались. И по истеченіи между Россіею и Оттоманскою имперіею шестилѣтней брани заключенъ былъ миръ (1774 г.). Когда же Россійское войско возвратилось изъ Молдавіи въ свое отечество, Римская держава стала требовать отъ Турецкаго Султана обѣщанной ей части Молдавскаго княжества. И взяли католики монастырь Драгомирну подъ свою власть. Тогда старецъ много слезъ пролилъ; ибо горько плакалъ о душевномъ разореніи братій своихъ, а еще сокрушался о томъ, что монастырь его перешелъ во владѣніе папистовъ,

[26] У Св. же Исаака Сирина въ 89 словѣ.

съ которыми Восточная церковь никогда не можетъ имѣть мира духовнаго. Также и братія весьма скорбѣли и горько плакали.

Когда же старецъ и самъ нѣсколько успокоился отъ печали и плача, и братію утѣшалъ надеждою на Бога, неожиданно получено было имъ отъ Сѣкульскаго игумена письмо, съ любовнымъ приглашеніемъ къ себѣ всего его братства. Возрадовался старецъ, и прославилъ Бога, и возложивъ всю печаль на Всевышняго, послалъ прошенія къ благочестивому Господарю Григорію Гикѣ и къ митрополиту. Въ нихъ онъ со скорбію писалъ, что не можетъ жить подъ властію папистовъ, и просилъ у нихъ милости, чтобы данъ былъ ему въ управленіе монастырь Усѣкновенія честныя главы св. Іоанна Предтечи, именуемый Сѣкулъ. Приложилъ при семъ и письмо, полученное имъ отъ Сѣкульскаго игумена. Очень пожалѣли о старцѣ и его братствѣ Господарь и митрополитъ, и дали ему въ управленіе монастырь, который онъ просилъ, утвердивъ то грамотою. — Получивъ грамоту, старецъ началъ заботиться о переходѣ въ Сѣкулъ; и повелѣлъ братіямъ готовиться и собираться около стоявшихъ на пути монастырскихъ мельницъ. Всѣхъ братій тогда было у него, съ непостриженными послушниками, триста пятьдесятъ человѣкъ. Не малую часть братіи и двухъ духовниковъ оставилъ старецъ въ Драгомирнѣ до сдачи монастыря, какъ и должно было; а самъ пошелъ въ церковь, и тамъ помолился Господу съ горькими слезами, такъ какъ разлучался съ этою обителью уже навѣчно. Всѣмъ же остававшимся плакавшимъ братіямъ преподалъ миръ и благословеніе, утѣшая ихъ въ скоромъ времени пришествіемъ къ нему. И вышедши изъ церкви и монастыря, онъ прибылъ на то мѣсто, гдѣ собирались братія.

Собравшись такимъ образомъ, всѣ они вмѣстѣ отправились въ путь, и прибыли въ монастырь Сѣкулъ, со слезами благодаря Бога, и водворились тамъ въ 1775 году. Монастырь этотъ стоялъ на мѣстѣ тѣсномъ, по обѣ стороны покрытый лѣсомъ высокой горы, на небольшой долинѣ, вблизи маленькаго источника воды, который находился подъ горою. Потому и подъѣздъ къ монастырю былъ весьма каменистъ и неудобенъ, по причинѣ источника, всѣмъ своимъ стремленіемъ — текущаго то въ ту, то въ другую сторону, а въ особенности когда онъ наводнялся отъ дождей. Но мѣсто было тихое и безмолвное, и для монаховъ и ревнителей по Богу прелюбезнѣйшее. Потому старецъ и братія весьма были этимъ мѣстомъ обрадованы, и утѣшены отъ печали о Драгомирнской обители, и со слезами возсылали благодареніе Богу. Всѣ же прочія нужды и неудобства они рѣшались претерпѣвать ради любимаго имъ безмолвія и тишины. И установилъ старецъ Паисій въ Сѣкулѣ всѣ порядки общежитія по чину, каковъ былъ въ монастырѣ Драгомирнѣ. Всякую зиму (по вечерамъ) созывалъ онъ всѣхъ братій въ трапезу, и поучалъ ихъ отъ Божественныхъ и отеческихъ писаній о дѣланіи заповѣдей Божіихъ, — о послушаніи, смиреніи, страхѣ Божіемъ и о всѣхъ Богоугодныхъ дѣлахъ и подвигахъ.

При такихъ заботахъ и трудахъ старца о братіяхъ, начали они опять понемногу, чрезъ его наставленіе достигать того же устроенія, какъ и въ Драгомирнѣ, подвизаясь и преуспѣвая благодатію Христовою, по молитвамъ своего

отца. А онъ радовался, и со слезами благодарилъ Бога, что, по желанію его, Господь даровалъ ему тихое и безмолвное мѣсто, и отнюдъ не имѣлъ въ помыслѣ искать иной обители болѣе просторной и съ большими удобствами. Напротивъ, онъ радъ былъ тишинѣ и тѣснотѣ, которую отъ юности своей возлюбилъ Христа ради, и къ которой привыкъ. Потому и братство свое поучалъ и увѣщавалъ, ради любви Божіей, претерпѣвать все скорбное мужественно и со благодареніемъ.

Однако нужды братій, великая скудость и недостатокъ келлій, а также мольбы и совѣты отцевъ духовныхъ побудили старца написать прошеніе къ князю Константину Мурузу, въ которомъ выставлена была на видъ крайняя нужда въ келліяхъ. Благочестивый же Князь, получивъ прошеніе, обратился къ Сенату своему съ вопросомъ: каковъ монастырь Сѣкулъ, въ которомъ пребываетъ старецъ Паисій съ братіею? Тогда одинъ изъ главныхъ Сенаторовъ, бывшій нѣкогда въ монастырѣ Сѣкулѣ, и все хорошо знавшій, отвѣчалъ: монастырь Сѣкулъ тѣсенъ, и церковь тамъ мала. Не для такого многочисленнаго братства онъ устроенъ. И стоитъ онъ на мѣстѣ неудобномъ; ибо дорога къ нему каменистая, очень затруднительная и неудобная къ перевозкѣ отвнѣ необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Услышавъ это, христолюбивый Князь съ соболѣзнованіемъ сказалъ Сенаторамъ: нѣтъ ли въ нашемъ княжествѣ такого монастыря, въ которомъ можно бы было успокоить сего старца Паисія? Они отвѣчали: во всемъ нашемъ княжествѣ нѣтъ болѣе просторной обители, какъ монастырь Нямецъ. Въ немъ и церковь большая, и дорога къ нему очень удобная; отъ Сѣкуля же отстоитъ онъ только на два часа пути. Обрадовался сему Князь и предписалъ старцу, повелѣвая ему, безъ всякаго разсужденія, и ни на кого не взирая, переходить въ монастырь Нямецъ. (Въ немъ и церковь большая, и дорога къ нему очень удобная). Когда же получилъ старецъ это предписаніе, и узналъ изъ него неожиданное повелѣніе, то весьма возмутился духомъ. Скрылся миръ его, безмѣрная скорбь объяла его душу. Восплакался онъ горькими и неутѣшными слезами до изнеможенія, и недоумѣвалъ что дѣлать. Весьма смутились и братія, въ особенности же духовные отцы — истинные ревнители по Богу, любившіе тихое и смиренное монастырское жительство, и съ соболѣзнованіемъ сердечнымъ желавшіе преуспѣянія душамъ братіи, надъ чѣмъ много и трудились. Они одни съ великою горестію соболѣзновали старцу объ имѣвшемъ быть душевномъ разореніи братій.

Что же было потомъ? Печаль и скорбь Старца такъ усилились, что онъ и отъ роду не испытывалъ того. Горько плакалъ и болѣзненно неутѣшно рыдалъ о томъ, что предвидѣлъ разореніе и погибель душевнаго устроенія братій; еще же и о томъ, что должны были прекратиться общія его поученія къ братіямъ, которыя онъ говорилъ имъ, при общемъ собраніи въ трапезѣ, — съ одной стороны потому, что невозможно будетъ всѣмъ имъ вмѣстѣ собираться, такъ какъ они будутъ раздѣлены (одна часть въ Нямцѣ, а другая въ Сѣкулѣ), съ другой же стороны потому, что будутъ пріѣзжать гости міряне важныя особы, и невозможно будетъ запретить имъ, чтобы не приходили послушать поученія. А

чрезъ это пресѣчется его нравоученіе, которое онъ всегда прилагалъ въ концѣ своего поученія касательно исправленія случавшихся между братіями поползновеній, въ которыхъ подобаетъ, по Писанію, согрѣшающихъ обличать при всемъ собраніи (1 Тим. 5, 20), не указывая на лица, устрашая ихъ гнѣвомъ Божіимъ, дабы согрѣшившіе постыдились, и убоявшись исправились, а неповинные большее возъимѣли опасеніе и охраненіе отъ грѣха. Неутѣшно скорбѣлъ объ этомъ старецъ, и непрестанно плакалъ день и ночь.

Когда же онъ собирался писать къ Князю прошеніе объ оставленіи его въ Сѣкулѣ, пришли сюда начальствующіе изъ монастыря Нямца. Припадая къ нему со многими слезами, они смиреннымъ прошеніемъ и неотступною мольбою начали умолять его, чтобы онъ не обижалъ ихъ, и не разстраивалъ на старости жительства ихъ, прибавляя къ сему — чтобы имъ не плакать на него до смерти. Едва могъ старецъ терпѣть отъ жалости слушая слова эти, уязвлявшія его святую душу, боголюбивую и по истинѣ братолюбивую, кроткую и всѣмъ мира, пользы и спасенія желавшую. Показавъ имъ предписаніе Князя, онъ съ горькими слезами говорилъ: видите, отцы Святые! вотъ причина смущенія и скорби нашей и вашей. Но да извѣститъ васъ Христосъ Господь, что никогда мнѣ и въ мысль не приходило, чтобы учинить такое беззаконіе и насиліе и опечалить души ваши, и за преступленіе заповѣди Божіей подпасть вѣчному осужденію. Сами вы знаете, что и Сѣкулъ заняли мы не по насилію нашему. Но бывшій въ немъ игуменъ, блаженной памяти отецъ Нифонтъ, видя наше смущеніе вслѣдствіе зависимости отъ папистовъ, самъ, по любви своей къ намъ, приглашалъ насъ къ себѣ, такъ какъ желалъ жить съ нами, скончавъ здѣсь и жизнь свою благочестно. Тогда мы, по любовному согласію, писали о семъ ко властямъ, и получили просимое. И сказалъ имъ еще: какъ бы я дерзнулъ учинить такое злодѣяніе? Какими бы глазами взглянулъ я на ваши святыя лица, имѣя совѣсть свою судіею и обличителемъ въ причиненной мною вамъ обидѣ? Какъ бы я приступилъ къ престолу Божію, дабы причаститься страшныхъ и Божественныхъ Таинъ, имѣя плачущихъ и обвиняющихъ меня предъ Господомъ за насиліе мое? Да не будетъ сего, да не будетъ! Напротивъ, я буду писать къ Князю, и со слезами просить и молить его, чтобы оставилъ и насъ и васъ мирно пребывать въ своихъ обителяхъ. Ибо мы здѣсь, по благодати Божіей, имѣемъ глубокій миръ. — Въ рукописи на полѣ приписано: о горе мнѣ! сколько скорбящихъ и воздыхающихъ на насъ!

Такою и подобною болѣе пространною бесѣдою старца Паисія бывъ успокоены, начальствующіе Нямецкаго монастыря возвратились въ свою обитель. Блаженный же старецъ написалъ къ Князю весьма плачевное прошеніе. Ибо какихъ умилительныхъ и убѣдительныхъ онъ словъ не употребилъ въ немъ? Какихъ благословныхъ причинъ не представилъ? Какихъ въ этомъ писаніи онъ не изъявилъ прошеній и слезныхъ моленій отъ всего своего братства, желая отказаться отъ Нямецкаго монастыря, и вмѣстѣ принося благодареніе Богу за безмолвное и тихое пребываніе въ монастырѣ Сѣкулѣ? Написалъ онъ со смиреніемъ, при многихъ слезахъ, и о имѣвшемъ послѣдовать для братіи ду-

шевномъ вредѣ и о разореніи тишины и безмолвія ихъ, и объ иныхъ многихъ, имѣвшихъ быть подобныхъ симъ причинамъ. — Написавъ такимъ образомъ прошеніе, Старецъ послалъ оное съ первымъ духовникомъ обители своей, Молдаваниномъ, благоговѣйнымъ о. Иринархомъ, который зналъ и греческій языкъ, присоединивъ къ нему и еще другаго духовника! И ожидалъ отвѣта въ надеждѣ, что Князь исполнитъ его просьбу. Посланные пришли съ прошеніемъ къ Князю. По прочтеніи же сего прошенія, они начали и словесно въ подробности объяснять ему все, и со слезами припадая къ ногамъ его, и представляя многія душевредныя причины, умоляли его, чтобы онъ оставилъ старца съ братствомъ пребывать въ Секулѣ безъ смущенія и соблазновъ, но никакъ не могли упросить Князя. Ибо онъ повелѣлъ приготовить Старцу предписаніе, въ которомъ ко всему написанному приписалъ своею рукою и такія слова: „сотвори послушаніе, иди въ Нямецъ, нисколько не разсуждая“. Утвердивъ же эту бумагу собственнымъ подписомъ и печатью, онъ отдалъ ее духовникамъ, и отпустилъ ихъ съ миромъ.

IV. Переводъ старца Паисія въ Нямецъ, и блаженная его кончина.

Возвратились посланные съ грамотою отъ Князя. И когда старецъ прочиталъ, и увидѣлъ написанное въ ней съ повелѣніемъ: „сотвори послушаніе, иди въ Нямецъ“, то горько заплакалъ, и не зналъ, — что дѣлать. И такъ усилилась и объяла душу его безмѣрная печаль, что онъ не могъ ни ѣсть, ни пить, ни спать, и весьма изнемогъ тѣломъ; ибо предвидѣлъ окончательное разореніе душъ братій своихъ. Съ своей стороны и всѣ братія были въ страхѣ, скорби и великомъ смущеніи, какъ бы старецъ не умеръ отъ безмѣрной печали[27]. Потому старѣйшіе изъ духовниковъ и братіи, собравшись вмѣстѣ, пришли къ нему больному, и начали со слезами просить его, чтобы онъ оставилъ такую безмѣрную печаль, и подкрѣпился пищею. Говорили ему: какая намъ польза, если ты безвременно умрешь, и мы безъ тебя останемся сиротами? Что намъ тогда дѣлать? Онъ же, какъ мужъ благоразумный, видя чадъ своихъ духовныхъ, такъ сильно о немъ сожалѣвшихъ, плакавшихъ, смущавшихся, и смерть его считавшихъ для себя великою бѣдственною потерею болѣе всякаго ихъ разоренія, помолчалъ немного и, возведши око ума своего ко Господу, тяжело воздохнулъ, горько заплакалъ и сказалъ: тѣсно намъ, братіе, отвсюду. Потомъ всталъ съ постели, сотворилъ крестное знаменіе, поклонился иконѣ Пречистой Богоматери, и сказалъ: да будетъ воля Божія! Пойдемъ и нехотя.

---

[27] Въ подлинникѣ здѣсь въ скобкахъ вставлено: если же иные здѣсъ иначе написали, т. е. будто бы Старецъ безъ особенной печали принялъ монастырь Нямецъ; то сдѣлали это потому, что не знали хорошо происходившаго. Мнѣ же (Митрофану), бывшему самовидцу всего этого, достовѣрно извѣстно, что все было такъ, какъ я здѣсь говорю.

Пищею онъ немного подкрѣпился, а спать не могъ. За тѣмъ, призвавъ трехъ духовниковъ и нѣсколько прочихъ братій, послалъ ихъ въ монастырь Нямецъ, вручивъ имъ и предписаніе отъ Князя, чтобы его тамъ прочитали, и приготовили келлію для него и для другихъ болѣе нужныхъ іереевъ и пѣвцовъ. Братія исполнили, какъ имъ было повелѣно, и возвратились назадъ. Тогда старецъ распредѣлилъ всѣхъ братій — какимъ идти съ нимъ въ Нямецъ, и какимъ оставаться въ Сѣкулѣ. Назначилъ тутъ для управленія и одного духовника, по имени Иларіона. И вшедши въ церковь со слезами помолился Господу, приложился къ святымъ иконамъ, и преподалъ всѣмъ остававшимся плакавшимъ благословеніе, утѣшивъ ихъ такими словами: всякій братъ во всякой скорби душевной и тѣлесной пусть приходить ко мнѣ безъ всякаго препятствія. Ибо разстояніе отъ Сѣкула до Нямца было только на два часа пути. Наконецъ съ горькими слезами вышелъ Старецъ изъ церкви, и отправился въ путь. По причинѣ же своей уже глубокой старости и немощи онъ бралъ по необходимости въ помощь одного только коня; ибо до самой смерти гнушался всякаго славолюбія. Братія же, какъ пчелы окруживши его одноконную колесницу, шли по тихоньку пѣшкомъ, наслаждаясь его духовною бесѣдою. Иные его провожали, а иные съ нимъ шли; и такимъ образомъ прибыли въ монастырь Нямецъ, въ самое повечеріе праздника Успенія Пресвятыя Богородицы 1779 года.

Тамъ, вшедши въ церковь при пѣніи: „Достойно есть“ Старецъ поклонился святымъ иконамъ. Подошелъ и къ чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, много предъ Нею плакалъ, и вручалъ себя и братію Ея заступленію, храненію, покрову и окормленію, со слезами облобызалъ оную, возложивъ на Владычицу по Богѣ во всемъ всю свою надежду. Потомъ, вышедши изъ церкви, пришелъ въ келлію, и немного отдохнулъ; но уснуть отъ великой печали не могъ. Такимъ образомъ онъ уже пять сутокъ провелъ безъ сна. Когда же настало время бдѣнія, старецъ, хотя и съ великимъ трудомъ отъ болѣзни и слабости, пришелъ въ церковь, и слушалъ Божественную службу сидя, молясь въ то же время Пречистой Богоматери, чтобы хоть немного заснуть ему. При концѣ вечерни и началѣ утрени начало клонить ко сну. Потому онъ вышелъ изъ церкви, пришелъ въ келлію, поспѣшно легъ и уснулъ, и спалъ три часа. Когда же проснулся, ощутилъ въ головѣ легость и малое нѣкое укрѣпленіе въ тѣлѣ, совсѣмъ освободившись и отъ печали. Потому со слезами вознесъ благодареніе Христу Богу и Пречистой Богоматери.

Послѣ литургіи старецъ созвалъ къ себѣ начальствовавшихъ въ монастырѣ Нямцѣ и любезно побесѣдовалъ съ ними на единѣ, обѣщаясь во всемъ до смерти успокоивать ихъ, и воли у нихъ отнюдь не отнимать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ отъ нихъ то (изъ монастырскаго имущества), что они сами ему выдали, отнюдь ничего не разслѣдывая. Такимъ образомъ они искренно примирились; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ приняли постригъ въ схиму и поживши благочестно, преставились ко Господу. Только немногіе, жившіе тамъ прежде братія вышли оттуда. Прочіе же присоединились къ братству старца Паисія, и такимъ образомъ изъ двухъ составилось одно братство, и водворился

душевный миръ. Тогда старецъ написалъ къ Князю донесеніе о принятіи монастыря Нямца и о примиреніи и соединеніи двухъ братствъ въ одно. Увѣдомилъ его при семъ и о крайней нуждѣ въ келліяхъ.

Когда прочтено было Князю это донесеніе, Князь очень обрадовался, и повелѣлъ написать грамоту (о томъ, что Нямецъ передать въ завѣдываніе старцу Паисію) и утвердить своеручными подписями и печатями Князя, Митрополита и Сената. Написалъ и отъ себя Старцу письмо, благодаря его за послушаніе, и обѣщаясь помоществовать ему въ келліяхъ и во всѣхъ прочихъ нуждахъ. И отдалъ письмо съ грамотою посланнымъ (отъ Старца) братіямъ.

Получивъ эту грамоту и письмо отъ Князя, старецъ началъ управлять обоими монастырями, по дарованному ему Богомъ благоразумію, съ любовію и кротостію. Но теперь труды его усугубились. По милости Князя, онъ устроилъ въ Нямцѣ больницы и прочія нужныя келліи; такъ какъ и свои братія и странники монахи, престарѣлые, хромые, слѣпые и разслабленные, не имѣвшіе гдѣ голову приклонить, приходили къ нему, прося его съ плачемъ и рыданіемъ ради Христа оказать имъ милость. А старецъ опредѣлялъ ихъ въ больницу, и повелѣвалъ брату Гонорію, о которомъ выше было упомянуто, чтобы онъ имѣлъ объ нихъ всякое тщаніе и попеченіе, и заботился объ ихъ успокоеніи. Служителямъ заповѣдывалъ, чтобы прислуживали больнымъ, какъ самому Господу, чтобы каждую субботу мыли имъ головы и перемѣняли сорочки, чтобы очищали ихъ одежды, кровати и постилки отъ всего, въ особенности же отъ насѣкомыхъ; а лѣтомъ чтобы одежды часто пересушивали на солнцѣ и вывѣтривали. Внутри больницы заповѣдывалось соблюдать всевозможную чистоту, ежедневно окуривать ладаномъ, или инымъ полезнымъ куреніемъ, чтобы не было тяжелаго воздуха; пищу готовить самую лучшую, также и хлѣбъ и вино. И всѣ были признательны, — со слезами прославляли Бога, благодаря всегда и старца за его милосердіе и попеченіе о нихъ. — Приходившіе монахи странники, такъ же успокоиваемые, пребывали въ больницѣ, кто сколько хотѣлъ, седмицу, двѣ и мѣсяцъ. И никто никогда не говорилъ имъ ни одного слова, — что сидишь въ праздности? А иные просили старца, чтобы благословилъ имъ и перезимовать, и онъ благословлялъ; не имѣвшимъ же одежды и сорочекъ подавалъ по ихъ потребности. Когда же наставало лѣто, и странники уходили, давалъ имъ нужное для пути въ сугубомъ количествѣ, и такимъ образомъ отпускалъ ихъ съ миромъ. — Принималъ также старецъ и мірянъ мужескаго пола, страдавшихъ отъ разныхъ болѣзней и отъ духовъ нечистыхъ, и не имѣвшихъ гдѣ главу приклонить. Пища подавалась имъ отъ общей трапезы, только въ иной больницѣ. И жили они тамъ, сколько хотѣли, иные даже и до смерти.

Увеличился тогда и составъ братства. Въ монастырѣ Нямцѣ, съ ближними скитами, было до четырехъ сотъ братій, кромѣ жившихъ въ Сѣкулѣ, гдѣ всегда было до ста человѣкъ. Изъ нихъ бралъ нѣкоторыхъ старецъ къ себѣ въ Нямецъ, а изъ Нямца также нѣкоторыхъ посылалъ въ Секулъ. Всѣхъ ихъ, тамъ жившихъ, онъ посѣщалъ только однажды въ годъ, въ праздникъ Усѣкновенія

честныя главы св. пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна; а послѣ праздника, какъ и прежде у него было въ обыкновеніи, говорилъ тамъ поученіе отъ Святаго Писанія, прилагая къ сему какое либо (частное) нравоученіе. И въ одинъ вечеръ говорилъ на славянскомъ языкѣ, а въ другой на Молдавскомъ. Въ Секулѣ пребывалъ онъ девять дней. Въ это время всѣ братія, отъ малаго до великаго, свободно могли входить къ нему, и объяснять всѣ свои нужды тѣлесныя и душевныя; и всѣхъ онъ успокоивалъ.[28] А тѣмъ, которые изъ больницы отнюдь не имѣли возможности приходить къ нему, онъ преподавалъ благословеніе чрезъ духовнаго отца Досиѳея, и всѣмъ имъ преизобильно выдавалъ все нужное для удовлетворенія ихъ тѣлесныхъ потребностей и для успокоенія. Этотъ духовный отецъ Досиѳей всѣхъ въ братствѣ превосходилъ какъ попеченіемъ о больныхъ, милосердіемъ и состраданіемъ, такъ и кротостію и смиреніемъ, тихостію и любовію ко всѣмъ. Ибо часто видали какъ этотъ сердобольный отецъ по цѣлой ночи просиживалъ около трудно больныхъ съ состраданіемъ и воздыханіями, иного утѣшая надеждою на выздоровленіе, а другого полученіемъ спасенія, подавая такимъ образомъ не малую имъ отраду въ тяжкихъ болѣзняхъ.

Отпраздновавши Сѣкульскій праздникъ, блаженный старецъ Паисій возвращался въ монастырь Нямецъ, неся въ старости сугубые труды, то есть попеченіе и сердечное болѣзнованіе о спасеніи душъ всѣхъ братій обоихъ монастырей, и за все возсылая благодареніе премилосердому Богу.

Въ монастырѣ Нямцѣ храмовымъ праздникомъ въ великой церкви — праздникъ Вознесенія Господня. Къ этому времени издавна собирается сюда безчисленное множество народа обоего пола и разныхъ чиновъ, т. е. господъ и поселянъ, богатыхъ и убогихъ, не только изъ Молдавіи и Валахіи, но и изъ иныхъ странъ, которые приходятъ ради поклоненія чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы. И всѣхъ ихъ старецъ Паисій, по страннолюбію Авраама, старался по возможности успокоивать. Тогда онъ четыре дня съ ряду не имѣлъ отдыха. Съ утра до вечера двери его келліи были отворены; и всякому богатому и бѣдному, желавшему войдти къ нему, препятствія не было. Всѣхъ приходившихъ онъ любезно привѣтствовалъ, благодаря ихъ за подъятые ими въ пути труды, и обѣщая имъ отъ Господа и Богоматери, за ихъ вѣру и любовь къ Ней, душевную и тѣлесную награду. Преподавъ же имъ благословеніе, отпускалъ ихъ въ гостинницу и въ другія, приготовленныя для того, келліи. Къ тому еще Богомудрый и Богоблаженный Старецъ употреблялъ такую предосторожность. При начатіи праздника опредѣлялъ нѣкоторыхъ благоговѣйныхъ братій, лѣтами, разумомъ и страхомъ Божіимъ исполненныхъ, надзирать за немощными братіями, день и ночь обходя и осматривая, какъ бы не произошелъ какой соблазнъ. А братія, зная волю отца своего, и сами охраняли другъ друга. По

[28] И говоритъ Старецъ къ братіямъ такъ: если кто изъ васъ имѣетъ какую либо нужду душевную или тѣлесную, и скорбитъ и ропщетъ, а ко мнѣ не приходитъ и не открываетъ о семъ, я за эту его скорбь не буду отвѣчать предъ Богомъ.

окончанiи же праздника, всѣ возсылали благодаренiе Христу Богу и пречистой Его Матери, сподобившей ихъ мирно и благопоспѣшно отпраздновать пресвѣтлый Господнiй праздникъ.

Такъ жилъ старецъ съ своимъ братствомъ въ монастырѣ Нямцѣ. Но вотъ возстала страшная буря и страхъ смертный. Опять возгорѣлась жестокая война трехъ имперiй. Города и села Молдавiи запустели; ибо всѣ жители разбѣглись по горамъ и лѣсамъ, гдѣ только кто могъ укрыться отъ ярости Турокъ. Когда же, чрезъ недолгое время, появилось и расположилось у подошвы горъ Молдавскихъ Немецкое войско[29]; тогда всѣ жители возвратились во свояси. Вступило въ Молдавiю и Россiйское войско; а съ нимъ и князь Потемкинъ, съ сопутствовавшимъ ему Архiепископомъ Амвросiемъ, прибыли въ городъ Яссы. И ярость Турокъ тотъ часъ исчезла. Этотъ архiепископъ, пребывая въ Яссахъ, и слыша о блаженномъ старцѣ Паисiи и о его братствѣ, возъимѣлъ непреодолимое желанiе увидѣть его очами. Объяснивъ объ этомъ высшей власти, и получивъ дозволенiе, онъ прибылъ въ монастырь Нямецъ, и съ великою честiю и благоговѣнiемъ принятъ былъ старцемъ. Отдохнувъ же отъ пути, почетный гость проводилъ два дня въ духовныхъ бесѣдахъ съ старцемъ; а въ день воскресный служилъ соборомъ Божественную Литургiю, и произвелъ старца во архимандрита. Это было въ 1790 году. Пробывъ въ монастырѣ еще два дня, и преподавъ всѣмъ миръ и благословенiе, онъ утѣшенный удалился. Все братство провожало его съ великою честiю и любовiю.

Получивъ, хотя и противъ воли, степень архимандрита, Старецъ даже и въ мысли отнюдь не увлекся славою мiра сего, и ничего даже и малѣйшаго отъ своего устроенiя и смиренномудрiя не промѣнялъ на гордость житейскую, которую обличилъ Божественный наперсникъ Христовъ, говоря: *Не любите мiра, ни яже въ мiрѣ. Аще кто любитъ мiръ, нѣсть любве Отчи въ немъ: яко все, еже въ мiрѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ мiра сего есть* (1 Iоан. 2, 15-16). Подражая такимъ образомъ своему Господу, старецъ Паисiй, чрезъ смиренномудрiе и пламенную къ Богу и ближнему любовь и чрезъ точное исполненiе всѣхъ заповѣдей Господнихъ, пребылъ невредимъ отъ оной высокой степени священства и чести; но оставался такимъ же, какъ и прежде, въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ даже до смерти.

Затѣмъ всѣ братiя въ монастырѣ Нямцѣ по внѣшности жили въ покоѣ. Но духовное ихъ жительство, въ сравненiи съ первымъ единодушнымъ, мирнымъ и любовнымъ по Богу пребыванiемъ въ Драгомирнѣ и Сѣкулѣ, окончательно и безвозвратно ослабѣло. Причины сему были: молва, обезпеченность, смятенiе и у каждаго попеченiе о самомъ себѣ, а въ слѣдствiе этого оставленiе чтенiя Божественныхъ и отеческихъ писанiй и внимательности къ себѣ. Объ этомъ и прежде плакалъ и скорбѣлъ смертельно старецъ, какъ предвидѣвшiй все это, имѣвшее быть. Боясь этого во всю свою жизнь, онъ болѣзновалъ сердцемъ, и

---

[29] Т. е. Австрiйское; потому что Австрiя въ то время была въ союзѣ съ Россiей.

наставлялъ всѣхъ братій, младшихъ и старшихъ, переписывать и перечитывать отеческія писанія, дабы, ревнуя жительству древнихъ святыхъ, они держались тѣснаго Евангельскаго пути, и избѣгли бы нерадивой и притворной монашеской міролюбивой жизни.

Потому и самъ старецъ, до самой своей смерти, съ великимъ прилежаніемъ занимался переводомъ съ еллинногреческаго на славянскій языкъ отеческихъ и Богословскихъ книгъ, дабы доставить пользу и окормленіе душамъ, которыя послѣ него захотятъ подвизаться, ревновать и внимать ученію Богоносныхъ нашихъ отцевъ. И удивляться надо письменнымъ его трудамъ. Тѣломъ онъ былъ совсѣмъ немощный. На всемъ правомъ боку были у него раны. На кровати, гдѣ почивалъ онъ, окладывался кругомъ книгами. Тутъ у него лежали разноязычные словари, Библія греческая и славянская, грамматика греческая и славянская и книга, которую онъ переводилъ; а среди книгъ зажженныя свѣчи. Самъ же онъ, какъ малое дитя, сидя согнувшись, писалъ по цѣлой ночи, забывая и немощь тѣла и тяжкія болѣзни и трудъ. О, безстрастнѣйшій святой мужъ! О, душа чистая, соединенная съ Богомъ! Весь онъ любовію прилѣпленъ былъ къ Богу; весь и къ ближнему пылалъ любовію. — Кто отъ имѣющихъ здравый разумъ можетъ усумниться, и кто не познаетъ и не прославитъ Творца Дародателя, слыша объ этомъ блаженномъ мужѣ, бывшемъ избранникѣ еще отъ младенчества? Ибо хотя онъ и не былъ наученъ отъ людей внѣшнимъ наукамъ, но пришедъ *въ мужа совершенна* (Ефес. 4, 13), и будучи умудренъ чрезъ исполненіе заповѣдей Христовыхъ, содѣлался избраннымъ сосудомъ, бывъ наученъ свыше отъ благодати Божіей, при тщательнѣйшемъ во всю жизнь чтеніи Божественныхъ и отеческихъ писаній. И такъ какъ по слову св. Исаака, смиренномудрымъ открываются тайны[30], то и слово старца Паисія, исполненное благодати, было сильно и дѣйственно. Оно искореняло страсти и насаждало добродѣтели въ душахъ съ вѣрою и любовію слушавшихъ его. Ибо говоритъ Божественное писаніе: *Вознесохъ избраннаго отъ людей моихъ* (Пс. 88, 20). Такимъ образомъ кого Господь избралъ, того и вознесъ на высоту Божественнаго разума и послѣ многихъ его трудовъ просвѣтилъ умъ его къ познанію всѣхъ Божественныхъ писаній. При томъ украсилъ его Богъ и всѣми божественными дарованіями. Видѣвшіе все это въ немъ своими очами, и слышавшіе своими ушами (современники) несомнѣнно свидѣтельствуютъ о немъ слѣдующее:

1) Въ немъ, какъ въ чистѣйшей обители, жила Ипостасная Божія Премудрость со Безначальнымъ Своимъ Отцемъ и Божественнымъ Духомъ. И отъ сей Премудрости чрезъ его уста истекалъ медоточный источникъ Божественныхъ ученій, услаждавшій души и изсушавшій лукавыя страсти.

2) Въ немъ былъ разумъ Божественный, посредствомъ котораго онъ право разумѣвалъ догматы Православной нашей вѣры, содержащіеся въ святомъ Символѣ, также Евангельскія завѣщанія и заповѣди, угрозы и обѣщанія, а еще

[30] Св. Исаака Сир. подвижн. слова. Слово 66 и 56.

правила Св. Апостоловъ и всѣхъ святыхъ Вселенскихъ Соборовъ и великихъ церковныхъ учителей и святителей, и толкованія ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ученія и наставленія Преподобныхъ и Богоносныхъ нашихъ отцевъ, и отъ всей души крѣпко защищалъ ихъ, и невредимо хранилъ, какъ зеницу ока.

3) Имѣлъ онъ даръ совѣта, посредствомъ котораго право и истинно, по ученію и наставленію святыхъ и Богоносныхъ отцевъ нашихъ, преподавалъ всѣмъ просящимъ отъ него наставленія. И кто съ вѣрою принималъ ихъ и упражнялся въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ по его ученію и совѣту, тотъ преуспѣвалъ во смиреніи, терпѣніи и любви.

4) Имѣлъ даръ крѣпости, пребывая твердымъ въ вѣрѣ, любви и надеждѣ на промыслъ Божій во всѣхъ скорбяхъ и искушеніяхъ.

5) Имѣлъ страхъ Божій, храня заповѣди Господни, какъ зеницу ока; ибо и за одну малѣйшую заповѣдь онъ готовъ былъ положить душу свою. Тому же училъ и все свое братство.

6) Въ немъ была любовь огненная, которою онъ отъ юности вседушно возлюбилъ Господа своего, и которая, преуспѣвая, все болѣе и болѣе воспламенялась, и разливалась равно на всѣхъ ближнихъ. Ибо онъ всѣхъ разогрѣвалъ своею любовію и ревностію, всякому соболѣзновалъ, всякому сострадалъ, объемля душею своею въ особенности духовныхъ своихъ чадъ. Впрочемъ онъ не отвращался и всякаго человѣка, приходившаго къ нему, и просившаго у него милостыни, душевной ли, или тѣлесной, и не отпускалъ отъ себя безъ удовлетворенія,

7) Миръ всегда онъ имѣлъ со всѣми; ибо никогда ни на кого не скорбѣлъ, и никого не презиралъ, хотя бы что и потерпѣлъ отъ кого. Такъ же наставлялъ жить въ мирѣ и всѣхъ своихъ чадъ духовныхъ.

8) Долготерпѣніе съ кротостію соединены были въ немъ не разрывно и какъ бы сросщены. Ибо никогда не видѣли въ немъ гнѣва или смущенія, развѣ только за преступленіе заповѣди Божіей; но всегда онъ являлся кроткимъ и терпѣливымъ. Ибо обличалъ и запрещалъ онъ съ кротостію, наставлялъ и поучалъ съ любовію, миловалъ и долготерпѣлъ съ надеждою исправленія согрѣшившихъ.

9) Незлобіе и простота въ немъ были младенческія; умъ же и разумѣніе — Божественные и высокіе, а не младенческіе.

10) Смиренномудріе же его было велико, и извѣстно (вполнѣ) только единому Богу. Ибо блаженный сей старецъ подвигами духовными и вышеестественными трудами подражалъ преподобнымъ и Богоноснымъ отцамъ нашимъ. Ради любви Божіей, отъ юности, противоставъ до крови всѣмъ страстямъ, онъ презрѣлъ по слову Господню все, что въ мірѣ, родъ, славу и богатство; не пощадилъ и души своей, но возлюбилъ тѣсный и прискорбный Евангельскій путь. Потому и Господь Своею благодатію покорилъ подъ ноги его, и даровалъ ему въ попраніе ярость и похоть и всѣ злыя душевныя и тѣлесныя страсти. Когда же онъ достигъ мѣры мужа совершеннаго, Господь украсилъ его и всѣми сказанными дарованіями Св. Духа.

Украшенъ былъ сей святый мужъ и всѣми внѣшними достоинствами. Лицо его было бѣло и свѣтло, какъ лицо Ангела Божія. Взоръ тихій, слово смиренное и чуждое дерзновенія. Всѣхъ онъ любовію привлекалъ къ себѣ, какъ магнитъ желѣзо; ибо весь исполненъ былъ благодати, изливая на всѣхъ милость. Умъ же его всегда соединенъ былъ любовію съ Богомъ. Свидѣтелемъ сему были слезы. Ибо когда онъ говорилъ что братіямъ отъ Святыхъ Писаній, утверждая истину, сердце его горѣло любовію ко Господу, лицо его цвѣло духовною радостію, и сіяло любовію къ ближнему, а очи его проливали слезы. Но какія подъялъ блаженный старецъ труды и подвиги, со тщаніемъ и великимъ усердіемъ, относительно познанія (чистаго разумѣнія его) праваго Евангельскаго и истиннаго монашескаго пути, и касательно познанія чистаго разумѣнія его, безопаснаго отъ подсадъ и прилоговъ (вражіихъ) съ десной и шуей стороны, которое (разумѣніе истиннаго пути) поощряетъ ко всѣмъ по Богу добрымъ дѣламъ всякую душу, и въ особенности понуждающую себя къ соблюденію заповѣдей Господнихъ, какъ говоритъ о семъ ясно св. Петръ Дамаскинъ. И какія изливалъ онъ горькія слезы, съ печалію и воздыханіями, и въ какихъ находился недоумѣніяхъ, со смиреніемъ припадая къ Богу о томъ, чтобы обрѣсти искомое! По цѣлымъ днямъ и ночамъ онъ изслѣдывалъ Божественныя и отеческія писанія, прилѣпляясь къ Богу вѣрою, надеждою и горящею въ сердцѣ любовію къ Нему, ища и толча смиреніемъ, постомъ и непрестанными молитвами со слезами, во всякое время. И по благодати Божіей обрѣлъ въ сердцѣ своемъ, по слову Господню, источникъ воды живой, отъ которой и самъ напоявался до сытости, и всѣмъ искавшимъ подавалъ независтно.

Что есть монашество и въ чемъ заключается сущность его дѣланія, и что это за тайна общежительнаго монашескаго послушанія, и какое доставляетъ оно преуспѣяніе послушнику, съ духовнымъ разумомъ проходящему оное, все это старецъ Паисій изъяснилъ и научилъ отъ Божественныхъ писаній. И еще: что есть видѣніе и умная сердечная молитва, то есть умомъ въ сердцѣ совершаемая, какъ этому онъ наученъ былъ вышеупомянутыми Святыми отцами, и собственнымъ опытомъ навыкъ при помощи благодати Божіей, — все всѣмъ ищущимъ открылъ непогрѣшимо, не только словесно, но и чрезъ писанія. Впрочемъ тамъ только открывалъ онъ это, гдѣ получалъ повелѣніе, или будучи убѣждаемъ крайнею необходимостію; ибо онъ былъ весьма смиренномудръ, и удалялся отъ похвалъ, какъ отъ нѣкоего зловонія. Но сколько онъ, съ самой своей юности, убѣгалъ и удалялся чести и славы человѣческой, столько же во многихъ странахъ прославлялъ его Богъ; и имя его предъ всѣми, и низшими и высшими, было и есть почтенно. И бесѣда о немъ ведетъ бесѣдующихъ къ прославленію Бога. Ибо прославляя его, люди славятъ Бога, явившаго въ недавнія бѣдственныя и лютыя времена истиннаго угодника Своего и незаблуднаго наставника монашескаго общежитія.

Не лишенъ былъ старецъ и дара прозорливости. И что онъ предвидѣлъ, то сбывалось. Такъ онъ предсказалъ благочестивому воеводѣ Григорію Гипѣ лютую смерть; ибо многократно видѣлъ во снѣ висѣвшій надъ его головою мечъ

на одномъ волоскѣ. Что вскорѣ и потерпѣлъ оный воевода. По повелѣнію Турецкаго Султана ему отрубили голову; и старецъ много плакалъ о немъ. Еще: часто старецъ съ воздыханіями плакалъ объ одномъ братѣ своего общежитія, и много увѣщавалъ его, чтобы онъ въ нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ исправился; но братъ оный не слушался и откладывалъ свое исправленіе. Въ третій день послѣ увѣщанія онъ утонулъ. Еще, старецъ много просилъ и увѣщавалъ одного брата, не уходить изъ обители; а наконецъ сказалъ ему со слезами: братъ! послушай меня; ибо не увидишь ты того мѣста, куда хочешь идти. Но тотъ не послушалъ, и въ четвертый день на пути умеръ. Блаженный старецъ много плакалъ о немъ. Много и еще было подобныхъ предсказаній старца вслѣдствіе его прозорливости.

О чудесахъ же и исцѣленіяхъ старца Паисія нѣтъ нужды и писать; ибо не по чудесамъ однимъ познается святость по истинѣ святыхъ мужей, что они святы и непорочны предъ Богомъ, а по истиной Православной вѣрѣ и по точному знанію догматовъ о Богѣ, и по строгому храненію всѣхъ Апостольскихъ и Соборныхъ правилъ и преданій Православной Восточной Церкви, и по жизни непорочной, согласной со всѣми Евангельскими и отеческими заповѣдями. Ибо многіе и нечестивцы и еретики, попущеніемъ Божіимъ, и содѣйствомъ діавола, творятъ чудеса. Объ нихъ сказалъ Господь: *Мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ Именемъ силы многи сотворихомъ* (Матѳ. 7, 22)? *И отвѣщавъ речетъ имъ: не вѣмъ васъ, откуду есте. Отступите отъ Мене вси дѣлателіе неправды* (Лук. 13, 25. 27), презрѣвшіе и поругавшіеся Моимъ святымъ заповѣдямъ. Къ право вѣрующимъ же говоритъ: *Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите.* И еще: *Имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя.* И: *не любяй Мя, словесъ Моихъ не соблюдаетъ* (Іоан. 14, 15. 21. 24). И св. Іоаннъ Златоустъ также учитъ о семъ, говоря: узнавать праведнаго мужа, что онъ святъ, должно не по чудесамъ и пророчествамъ, а по доброй его жизни, какъ сказалъ Господь: *отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Матѳ. 7, 16). Плоды же праведнаго мужа указалъ великій Апостолъ, говоря: *плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе* и прочее. *А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Галат. 5, 22–24). Таковыми словами изобразилъ Божественный Апостолъ жизнь, преуспѣяніе и плоды христіанина, живущаго въ мірѣ, и монаха, дабы каждый изъ нихъ старался пріобрѣсти въ себѣ свои плоды. И преуспѣяніе христіанина (мірянина) въ томъ состоитъ, чтобы онъ только оставилъ всякое зло, и пріобрѣлъ вышесказанные плоды. Преуспѣяніе же монаха въ томъ, если онъ всему распнетъ себя, т. е. міру сему, страстямъ и похотямъ. Таковый будетъ ли творить чудеса, не будетъ ли творить, извѣстно станетъ, что онъ святъ и другъ Божій.

Потому старецъ Паисій всѣ чудеса и исцѣленія, бывшія по его молитвамъ, приписывалъ, какъ и должно, Божіей Матери.

Теперь, по обозрѣніи всей жизни старца Паисія, насколько это въ свое время возможно было, тайныя же его дѣянія представивъ Единому Всевѣдцу Господу, мы уже приблизились и къ его блаженной кончинѣ.

Среди обычныхъ трудовъ старца Паисія, настало наконецъ и для него время отдать общій неизбѣжный долгъ, — приблизилось разрѣшеніе души отъ тѣла. И, по мнѣнію бывшихъ при немъ, еще прежде многихъ дней онъ получилъ отъ Господа извѣщеніе о своей кончинѣ. Ибо оставилъ уже и переводъ книгъ, а только прочитывалъ и исправлялъ мѣста, которыя требовали исправленія. Затѣмъ впалъ старецъ въ тяжкій недугъ, разболѣлся, и былъ такъ трудно боленъ четыре дня. Въ воскресный же день ему стало легче; и онъ изъявилъ желаніе слушать Божественную Литургію; пришелъ въ церковь, и сидѣлъ. Предъ началомъ причастнаго стиха вошелъ въ алтарь, и причастился Святыхъ Таинъ. А по окончаніи Литургіи старецъ уже едва могъ пріидти въ свою келлію. Его велъ и поддерживалъ братъ, который ему прислуживалъ. Съ тѣхъ поръ онъ еще труднѣе проболѣлъ три дня. Въ это время ходившіе за нимъ отцы Гонорій и Мартирій, никого не допускали къ нему, кромѣ духовныхъ, благоговѣйнѣйшихъ и старѣйшихъ изъ братій; ибо старецъ желалъ скончаться въ тишинѣ. Въ четвертый же день, когда приблизился часъ кончины, онъ еще причастился Божественныхъ Таинъ, и за тѣмъ, призвавъ двухъ духовниковъ Софронія Славянина и Сильвестра Молдаванина, преподалъ чрезъ нихъ миръ и благословеніе всему братству. Объ избраніи же настоятеля ничего не сказалъ. И такъ скончался, какъ бы уснулъ, предавъ святую свою душу въ руки Божіи 1794 года въ 15 день Ноября, проживъ отъ рожденія 72 года.

Немедленно посланъ былъ отъ всего братства вѣстникъ съ письмомъ въ Яссы къ Митрополиту Іакову о преставленіи Старца. Митрополитъ же попросилъ Боголюбиваго Епископа Тумскаго Веніамина, который въ послѣдствіи былъ митрополитомъ всей Молдавіи, чтобы онъ отправился въ монастырь Нямецъ на погребеніе. Когда разнесся повсюду слухъ о преставленіи старца Паисія, собралось въ обитель безчисленное множество народа, монаховъ и мірянъ, священниковъ, господъ и простолюдиновъ обоего пола. И всѣ они оплакивали кончину его горькими слезами. Три дня ждали Епископа на погребеніе, но на четвертый всѣмъ соборомъ честно похоронили тѣло его въ великой церкви, на правой сторонѣ.

А на другой же день по погребеніи ночью прибылъ и Боголюбивый Епископъ, и на утро служилъ соборомъ Божественную Литургію и панихиду. Вскорѣ послѣ сего этотъ Боголюбивый святитель, по согласію Собора, и по благословенію Митрополита, поставилъ перваго въ братствѣ Духовника, отца Софронія Старцемъ и Архимандритомъ монастыря. Потому всѣ, находившіеся въ скорби, братія получили нѣкое утѣшеніе, душевно умиротворившись; ибо всѣ братія Молдавскаго и славянскаго рода любили его за его любовь ко всѣмъ и смиреніе, въ особенности за крайнее его милосердіе. Послѣ же отца Софронія былъ Старцемъ отецъ Дороѳей; а за отцемъ Дороѳеемъ отецъ Досиѳей. Оба эти Старцы, прежде своей кончины, по слабости, отъ Старчества уво-

лились. Послѣ отца Досиѳея Старцемъ былъ отецъ Іоаннъ. Всѣ эти четыре Старца были Славянскаго происхожденія. По смерти же отца Іоанна первымъ Старцемъ Молдавскаго происхожденія былъ отецъ Сильвестръ. Всѣ эти духовные мужи и другіе, подобные имъ, были священными учениками старца Паисія.

Сказавъ немного кое-что объ избранныхъ ученикахъ блаженнаго Старца, опять обратимся къ нему самому, и закончимъ это о немъ сказаніе такъ: О, душа смиренномудрая и кроткая! О, мужъ, исполненный разсужденія Божественнаго! О томъ только онъ во всю свою жизнь любомудрствовалъ, чтобы имѣть себя ниже всѣхъ людей, какъ невѣжду и бездерзновеннаго, какъ раба и должника всѣмъ братіямъ. Ибо онъ хорошо навыкъ сему отъ Божественнаго Апостола, такъ говорящаго: *аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. 3, 18). И отъ Самаго Господа, сказавшаго: *аще кто хощетъ старей быти, да будетъ всѣмъ слуга* (Марк. 9, 35). Такъ онъ и при кончинѣ поступилъ, никого не дерзнувъ назначить послѣ себя Старцемъ, какъ выше сказано, но предоставивъ Христу Богу и Боголюбивому Епископу и святому Собору братій избрать Старца и наставника, кого сами разсудятъ. А самъ, какъ исполнившій долгъ своего служенія, отошелъ ко Господу.

Приложеніе[31].

Подвиги, наставленія и писанія Молдавскаго старца Паисія, соотечественника нашего и по мѣсту рожденія и по союзу любви, имѣли великое вліяніе на Россійскіе монастыри; примѣръ жизни и свѣтъ ученія его пролился обильно на Россійское монашество. Ибо многіе изъ Россіянъ, ищущихъ спасенія и отрекшихся міра, странствуя въ Палестинѣ, Аѳонской горѣ и Молдовлахіи, и собирая, подобно пчеламъ съ цвѣтовъ, медъ спасительнаго ученія отъ обитавшихъ въ тамошнихъ мѣстахъ подвижниковъ, находили особенно въ обители старца Паисія величайшую душевную пользу, научаясь примѣромъ высокой его жизни и медоточными его наставленіями, подвигамъ монашескимъ и внутреннему дѣланію умной молитвы. По возвращеніи въ Россію, они передавали пріобрѣтенное ими тамъ духовное сокровище и друтимъ ищущимъ спасенія, — нѣкоторые начальствуя надъ обителями, а другіе находясь въ числѣ братства.

Не менѣе сего способствовали къ распространенію духовнаго просвѣщенія и книжные труды блаженнаго старца Паисія, подъятые имъ въ переводѣ отеческихъ писаній, изъ которыхъ иные вовсе не были прежде переложены на славянскій языкъ, другія же хотя и были переведены и находились кое-гдѣ въ рукописяхъ, но переводъ ихъ столь былъ древенъ и во многихъ мѣстахъ искаженъ ошибками переписчиковъ, что сдѣлался уже почти неудобопонятенъ. Старцемъ же Паисіемъ исправленъ по Греческимъ подлинникамъ со всевоз-

---

[31] Въ Славянскомъ подлинникѣ эта статья поставлена въ началѣ книги подъ такимъ заглавіемъ: Предисловіе отъ русскаго издателя.

можною тщательностію, какъ и самъ онъ объясняетъ это въ письмѣ своемъ къ отцу Ѳеодосію архимандриту Софроніевой пустыни. Имъ переведена съ Греческаго книга Добротолюбіе, въ которой собраны писанія 24-хъ Богомудрыхъ отцевъ и подвижниковъ, руководствующія къ высшему христіанскому любомудрію, коимъ очищается, просвѣщается и возводится къ соединенію съ Богомъ Христолюбивая душа посредствомъ внутренней, дѣятельной и созерцательной молитвы, непрестанно совершаемой умомъ въ сердцѣ. Высокопреосвященный Гавріилъ Митрополитъ Санкт-Петербургскій, глубоко уважавшій отца Паисія и имѣвшій духовное съ нимъ общеніе, усердно желалъ видѣть и издать въ свѣтъ сію книгу, и неоднократно просилъ его о томъ; но мудрый старецъ долго не рѣшался на сіе, частію по чувству смиренія, частію по опасенію, чтобы люди самонадѣянные не стали превратно толковать содержащееся въ ней святое ученіе (о непрестанной молитве) и занимаясь ею самочинно, безъ надлежащего руководства и порядка, не впали бы въ самомнѣніе и прелесть, и тѣмъ не подали бы повода къ уничиженію святыни. Наконецъ ученикъ Старца Аѳанасій доставилъ Митрополиту и греческій подлинникъ и старцевъ переводъ сей книги, который по назначенію Митрополита, сначала былъ разсматриваемъ знающими греческій языкъ учителями Александроневской академіи, а потомъ (какъ это извѣстно изъ преданія, сохранившагося въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ) отданъ для пересмотра и исправленія учителю греческаго языка въ Сергіевой Лаврѣ Якову Дмитріевичу Никольскому (бывшему впослѣдствіи протопресвитеромъ Московскаго Успенскаго собора), исправленъ имъ въ мѣстахъ трудныхъ для разумѣнія, и напечатанъ въ Московской Синодальной типографіи, въ первый разъ въ 1793 году; потомъ усерднымъ стараніемъ Филарета, Митрополита Московскаго, во второй разъ въ 1822 г. и въ третій въ 1832 г. Кромѣ Добротолюбія старецъ Паисій перевелъ еще книгу высокаго учителя внутренней жизни, Св. Исаака Сирина[32], и переводъ сей напечатанъ въ Молдавіи. Сверхъ сего хранятся въ рукописяхъ исправленные имъ древніе славянскіе переводы писаній Макарія Великаго, Іоанна Лѣствичника, Св. Варсануфія, Ѳалассія и Симеона Новаго Богослова; и имъ самимъ переведенныя книги: Максима Исповѣдника по вопросу и отвѣту Ѳеодора Студита (съ простого греческаго языка), житіе Григорія Синаита, слова Григорія Паламы и другія, коими пользуются и Болгарскіе и Сербскіе, и Россійскіе христіане, жаждущіе душевнаго назиданія и спасенія.

Изъ Россійскихъ монаховъ, пользовавшихся примѣромъ и ученіемъ старца Паисія, извѣстны слѣдующіе.

1) Софроніевой пустыни архимандритъ Ѳеодосій, ученикъ мудраго старца Василія, котораго ученикомъ и постриженникомъ быль и отецъ Паисій: съ

---

[32] Книга сія въ рукописи была прислана отъ старца къ митрополиту Гавріилу, съ таковымъ въ предисловіи, собственноручнымъ подписаніемъ: „трудивыйся въ преводѣ Святовознесенскаго Нямецкаго и Предтечева Секульскаго Молдовлахійскихъ монастырей Архимандритъ Паисій Величковскій, родимецъ Полтавскій“.

1767 года управлялъ онъ, послѣ старца Василія, Влахійскимъ скитомъ Мерлополянскимъ; а потомъ во время Турецкой войны въ 1787 году вызванъ былъ съ учениками своими, въ Россію княземъ Потемкинымъ. Въ Россіи дана ему въ управленіе состоящая въ Курской губерніи Софроніева пустынь, въ которой онъ пожилъ довольное время, пася словесное стадо и наставляя братію отъ отеческихъ писаній и собственнаго опыта духовной жизни. Изъ сей обители впослѣдствіи многіе были избраны въ настоятели монастырей той епархіи. Ѳеодосій, во все продолженіе своей жизни, былъ другомъ старца Паисія; къ нему писано прилагаемое въ сей книгѣ письмо Старца, въ отвѣтъ на его просьбу о присылкѣ духовныхъ книгъ для назиданія братій, живущихъ въ Софроніевой пустынѣ.

2) Старецъ Клеопа, не малое время жившій на Аѳонской горѣ и въ Молдавіи въ Драгомирнскомъ монастырѣ, и имѣвшій со старцемъ Паисіемъ близкое общеніе духовное; по выходѣ въ Россію, еще до 1788 года, былъ настоятелемъ Островской Введенской пустыни; духовный дѣлатель и хранитель умнаго трезвенія. Онъ ввелъ въ Островской пустыни общежительный уставъ Аѳонской горы, который послѣдователями его Игнатіемъ и Макаріемъ перенесенъ былъ и въ Пѣсношскій общежительный монастырь, состоящій нынѣ въ Московской епархіи. — Игнатій, съ 1778 года послѣ Клеопы былъ строителемъ Островской Введенской пустыни; съ 1788 года архимандритомъ Тихвина монастыря, гдѣ по благословенію митрополита Гавріила ввелъ общежительный уставъ; наконецъ въ 1795 году переведенъ архимандритомъ въ Симоновъ монастырь, для учрежденія общежитія, и тамъ скончался въ 1796 году. Вездѣ онъ былъ для братіи примѣромъ добродѣтельнаго житія, а наипаче смиренія, нищеты и нестяжанія; шелковыхъ одеждъ, со вступленія въ монашество, не носилъ; былъ къ нищимъ милостивъ, къ несчастнымъ сострадателенъ, къ братіи исполненъ любви и благодѣтеленъ. — Макарій былъ настоятелемъ Пѣсношской обители съ 1788 г. до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1811 году. Онъ имѣлъ духовную связь и переписку со старцемъ Паисіемъ, — наставникомъ его благодѣтеля старца Клеопы, — и получилъ въ даръ отъ него посохъ. Ему особенно обязана Пѣсношская обитель своимъ устройствомъ и благолѣпіемъ, внѣшнимъ и внутреннимъ. Неутомимый и многосвѣдущій въ трудахъ хозяйственныхъ, онъ еще болѣе неутомимъ былъ въ подвигахъ внутренней жизни. Видъ его казался строгимъ, но душа была полна отеческой любви; не имѣлъ онъ никакой собственности, а все дѣлилъ съ братіею; всѣхъ принималъ съ благопривѣтливостью, и его сердечная простота, сопряженная съ духовною мудростію, невольно привлекала къ нему всеобщее уваженіе. Митрополитъ Платонъ часто представлялъ его въ примѣръ другимъ настоятелямъ и поручалъ ему приводить въ устройство различныя обители; и дѣйствительно многія изъ нихъ заимствовали отъ Пѣсноши и порядокъ общежитія и способныхъ къ поддержанію онаго иноковъ. Такъ извѣстный по благочестивой жизни игуменъ Кириллоновоезерскій Ѳеофанъ, бывъ на Пѣсношѣ въ 1790 году, оттуда заимствовалъ общежительный уставъ и испросилъ у Макарія нѣсколькихъ изъ братій для помощи при заве-

деніи общежитія въ Новоезерскомъ монастырѣ; такъ пустыни: Давидова, Оптина, Берлюковская, Екатерининская, Медвѣдева, Кривоезерская, и монастыри: Голутвинскій и Московскій Срѣтенскій получили лучшее устройство общежитія по образцу Пѣсношскаго монастыря, при содѣйствіи и руководствѣ Макарія. Сподвижниками его въ духовномъ дѣланіи были Самуилъ, впослѣдствіи настоятель Голутвина монастыря, Аврамій, впослѣдствіи настоятель Козельской Оптиной пустыни и Іероѳей, бывшій послѣ того строителемъ Екатерининской пустыни.

3) Іеромонахъ Клеопа и 4) схимонахъ Ѳеодоръ, первый изъ малороссіянъ, а вторый изъ гражданъ города Карачева, пожившіе много лѣтъ въ обители старца Паисія и принявшіе отъ него постриженіе въ монашескій образъ, были имъ основательно наставлены и утверждены въ духовной жизни; вышли въ Россію въ 1801 году. Клеопа жилъ Орловской епархіи въ Бѣлобережской пустыни и С.-Петербурской епархіи въ Валаамскомъ монастырѣ; Ѳеодоръ — въ Чолнскомъ монастырѣ; въ пустыняхъ: Бѣлобережской, Палеостровской, въ скитѣ Валаамскаго монастыря и въ монастырѣ Александросвирскомъ[33]. — Отъ нихъ получили образованіе въ прохожденіи духовныхъ подвиговъ и умнаго дѣланія: іеромонахъ Леонидъ[34], іеромонахъ Гавріилъ и многіе другіе. Равно и отъ сихъ послѣднихъ преемственно пользовались духовно не только монашествующіе, но и свѣтскіе, получавшіе отъ нихъ назиданіе и утѣшеніе въ душевныхъ скорбяхъ своихъ. Блаженная кончина сихъ духовныхъ подвижниковъ удостовѣряетъ о плодѣ ихъ благочестивой жизни. Іеромонахъ Клеопа скончался въ Валаамскомъ монастырѣ въ 1816 году; схимонахъ Ѳеодоръ въ Свирскомъ монастырѣ въ 1822 году, а іеромонахъ Леонидъ въ Оптиной пустыни въ 1841 году.

5) Схимонахъ Аѳанасій, бывшій ротмистръ гусарскаго полка, по фамиліи Захаровъ, жилъ при старцѣ Паисіѣ болѣе 7-ми лѣтъ и принялъ отъ него монашескій образъ; всего болѣе занимался онъ, по благословенію старца Паисія, выпискою наставленій изъ отеческихъ книгъ о молитвѣ, смиреніи, терпѣніи, послушаніи, любви и прочихъ добродѣтеляхъ, о стяжаніи которыхъ имѣлъ всегдашнее попеченіе. По необходимымъ обстоятельствамъ и по просьбѣ своей, онъ былъ отпущенъ въ Россію, съ монахами Амвросіемъ и Ѳеофаномъ, въ 1777 году. Здѣсь, по многихъ претерпѣнныхъ имъ искушеніяхъ, былъ опредѣленъ Владимірской епархіи во Флорищеву пустынь, и поживъ тамъ довольно въ благочестивыхъ подвигахъ, получилъ успокоеніе по оныхъ въ Богородицкой Площанской пустыни, Орловской епархіи, смотрительнѣ переселенъ бывъ въ оную ради многихъ, пользовавшихся его жизнію и ученіемъ, преис-

[33] Житіе схимонаха Ѳеодора было напечатано въ Москвѣ 1839 г., особою книжкою, составленною вкратцѣ изъ болѣе пространнаго рукописнаго житія его.

[34] Сей іеромонахъ Леонидъ (въ схимѣ Левъ) родомъ былъ изъ гражданъ города Карачева, въ мірѣ именовался Левъ Даниловичъ Наголкинъ. Первоначально поступилъ въ Козельскую Введенскую Оптину пустынь въ 1797 году; проживъ два года, перешелъ въ Бѣло-Бережскую пустынь, въ Орловской губерніи состоящую, гдѣ и постриженъ въ монашество въ 1801 году, строителемъ іеромонахомъ Василіемъ.

полненными любви и смиренія. Почилъ блаженною кончиною въ 1828 году. Изъ Флорищевой пустыни пріѣзжая въ Москву, имѣлъ онъ духовныя бесѣды о умномъ дѣланіи и о многихъ предметахъ монашеской жизни съ находившимися въ то время въ Новоспасскомъ монастырѣ іеромонахами Александромъ (впослѣдствіи архимандритомъ въ Арзамасѣ) и Филаретомъ[35], которые хотя не знали лично Паисія, но пользовались духовными ученіями, содержащимися въ переведенныхъ имъ писаніяхъ отеческихъ, и имѣли великую любовь и усердіе, и благоговѣніе къ сему духовному вождю: изъ нихъ Александръ велъ переписку съ самимъ отцемъ Паисіемъ.

6) Схимонахъ Аѳанасій, изъ сенатскихъ секретарей, оставя міръ странствовалъ въ св. Аѳонской горѣ и въ Молдавіи, жилъ въ обители старца Паисія, отъ котораго порученъ былъ въ назиданіе старцу Софронію (преемнику Паисіева начальства въ Нямецкой пустыни).

Скончался въ томъ же Свѣнскомъ монастырѣ въ 1811 году, на рукахъ вышеписаннаго схимонаха Аѳанасія, Захарова. Онъ принесъ въ С.-Петербургъ изъ Молдавіи книгу: Добротолюбіе на греческомъ языкѣ и когда, въ 1791 и 92 годахъ, по благословенію митрополита Гавріила, сличаемъ былъ съ греческимъ подлинникомъ переводъ сей книги, сдѣланный старцемъ Паисіемъ, и встрѣчавшіеся въономъ трудныя къ разумѣнію выраженія и обороты нужно было замѣнять болѣе ясными и общепонятными, тогда трудившіеся въ семъ дѣлѣ обязаны были, по назначенію Митрополита, постоянно совѣтоваться обо всемъ, что находили нужнымъ исправить, съ духовными старцами, проходившими самымъ дѣломъ, по руководству отца Паисія, высокое ученіе, излагаемое въ Добротолюбіи, — именно: съ игуменомъ Валаамскаго монастыря Назаріемъ, съ іеромонахомъ Ѳеофаномъ, впослѣдствіи архимандритомъ Новоезерскаго монастыря, съ вышеупомянутымъ іеромонахомъ Филаретомъ, который тогда былъ еще іеродіакономъ Александроневской Лавры и съ принесшимъ сію книгу въ Россію Аѳанасіемъ, котораго мірское имя было — Андрей Николаевичъ: „Они, говорилъ мудрый архипастырь ученымъ переводчикамъ, — хотя и не знаютъ такъ, какъ вы, греческаго языка, но лучше васъ знаютъ изъ опыта духовныя истины, непостигаемыя однимъ только книжнымъ ученіемъ и потому правильнѣе васъ могутъ понимать смыслъ наставленій, содержащихся въ этой книгѣ“.

---

[35] Старцы Александръ и Филаретъ (въ схимѣ Ѳеодоръ), живши долгое время вмѣстѣ въ Новоспасскомъ монастырѣ, соединены были между собою союзомъ особеннаго духовнаго дружества. Іеромонахъ Филаретъ былъ родомъ изъ города Вязьмы, сынъ достаточнаго купца, по фамиліи Пуляшкинъ. Тринадцати лѣтъ поступилъ онъ въ монастырь, рано почувствовавъ внутреннее отвращеніе отъ свѣтскихъ занятій и еще съ дѣтства углубляясь въ чтеніе духовныхъ книгъ, находившихся въ домѣ отца его. Неизвестно куда поступилъ онъ первоначально; но въ послѣдствіи былъ нѣсколько лѣтъ въ Саровской пустынѣ и потомъ въ Невской Лаврѣ при митрополитѣ Гавріилѣ. Изъ Петербурга старецъ Филаретъ переселился въ Москву, былъ нѣкоторое время въ Симоновомъ монастырѣ и потомъ въ Новоспасскомъ, гдѣ болѣе 40 лѣтъ находился въ одной келліи, рѣдко переступая за ворота монастырской ограды.

7) Монахъ Павелъ, жившій въ Молдавіи при старцѣ Паисіи и вышедшій въ Россію, окончилъ дни свои въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Онъ много пострадалъ въ 1812 году, во время нашествія Французовъ, бывъ отъ нихъ біенъ, и остальное время жизни своей провелъ въ болѣзненномъ положеніи, духовнымъ своимъ дарованіемъ многимъ подавая пользу, ищущимъ оной.

8) Монахъ Герасимъ, старцевъ постриженецъ, вышедши въ Россію, имѣлъ жительство въ Софроніевой пустыни. Сей трудолюбивый старецъ, при духовныхъ дарованіяхъ, подавалъ собою примѣръ прочимъ братіямъ, своимъ трудолюбивымъ послушаніемъ, до глубокой старости, стяжавъ чрезъ оное глубокое смиреніе.

9) Монахъ Ѳеофанъ, жившій въ Оптиной пустыни[36].

Извѣстно, что и кромѣ сихъ благочестивыхъ старцевъ, многіе жившіе при отцѣ Паисіи, получили отъ него духовное просвѣщеніе и потомъ вышли въ Россію по разнымъ обстоятельствамъ; иные же, проходя въ странствіи и успокоиваясь на время въ обители его, насыщались духовнымъ его ученіемъ, и всѣ

[36] Монахъ Ѳеофанъ, уроженецъ Владимірской губерніи, былъ на службѣ Черноморскаго Казацкаго войска, Куреня Воскресенскаго; до постриженія именовался Казакъ Ѳедоръ Талунинъ; въ службу вступилъ 1789 года 5 Мая, а изъ оной отставленъ за болѣзнію его въ 1791 году. По отставкѣ находился нѣсколько времени на испытаніи въ Софроніевой пустыни; изъ оной перешелъ въ Молдавію, гдѣ у старца Паисія въ Нямецкомъ монастырѣ обучался монашеству, проходя послушанія съ строгимъ отверженіемъ своей воли и трудился года три въ поварнѣ. По кончинѣ же старца возвратился въ Россію, и принятъ былъ въ Оптину пустынь указнымъ опредѣленіемъ 1800 г. Марта 7, а въ монашество постриженъ 1801 г. Сентября 26. Въ имянной вѣдомости о монашествующихъ за 1816 годъ означено, что онъ „45 лѣтъ отъ роду, обучался россійской грамотѣ, проходилъ должность пономаря, къ церкви усерденъ, въ трудахъ послушанія неутомимъ, поведенія добраго“. Въ крайнемъ нестяжаніи и кротости духа дѣятельную добродѣтель поста, молитвъ и поклоновъ проходилъ съ горячею ревностію. Въ продолженіе всей первой и всей послѣдней седмицъ Великаго поста не вкушалъ ничего; а въ прочіе посты на третій день принималъ пищу. Ревность къ подвигамъ постничества побудила его съ вѣрою вступить въ великую мѣру вышеестественнаго поста. Въ одно время онъ открылъ близкому къ нему по сожитію въ уединеніи брату непремѣнное желаніе провести всю св. Четыредесятницу поста безъ пищи; „я вѣрую, говорилъ онъ, что не умру отъ поста“. Братъ, услышавъ это, не могъ ни отклонить его отъ сего намѣренія, ни утверждать въ ономъ, а оставилъ на его волю чрезмѣрный сей подвигъ. И такъ вступая въ св. Четыредесятницу, Ѳеофанъ во весь постъ не вкушалъ ничего, а только въ недѣлю однажды употреблялъ теплую воду отъ сухости; чрезъ всѣ 40 дней службу всю выдерживалъ келейно, и кромѣ оной много полагалъ поклоновъ; самъ отапливалъ келлію и постоянно видѣнъ быль бодрымъ. Въ одно время братъ, замѣтивъ его въ истощеніи, сказалъ ему: отче, ты очень изнурилъ себя; Ѳеофанъ отвѣчалъ на это: „Нѣтъ; Христосъ Спаситель излилъ всю Свою кровь до послѣдней капли, а во мнѣ еще много крови“. Выдержавъ съ Божіею помощію сей подвигъ неослабно, онъ пріобщился Св. Христовыхъ Таинъ. Впослѣдствіи онъ ревновалъ паки на тотъ же подвигъ; но отъ простуды заболѣлъ жестокимъ кашлемъ, и постепенно оскудѣвая въ силахъ тѣлесныхъ, 15-го Іюля 1819 года, по окончаніи утрени, когда братъ спросилъ его: покойна ли душа его, не страшится ли онъ чего въ часѣ смертномъ? Онъ отвѣчалъ; „я съ радостію желаю разрѣшиться отъ жизни сей“, и тутъ же сталъ кончаться, занесъ руку для крестного знаменія, и съ тѣмъ отшелъ ко Господу.

они расходясь и водворяясь по разнымъ Россійскимъ монастырямъ, водворяли въ нихъ и духовное просвѣщеніе, пріобрѣтенное ими отъ жизни и ученія старца Паисія. Всѣхъ ихъ мы не можемъ исчислить; но по крайней мѣрѣ извѣстны нѣкоторые изъ нихъ, какъ то: іеромонахъ Василій, благороднаго происхожденія, родившійся въ Фатежскомъ уѣздѣ; мірское имя его было — Владиміръ Тимоѳеевичъ Кишкинъ; онъ странствовалъ и жилъ нѣсколько лѣтъ съ учениками своими въ Св. Аѳонской горѣ и въ Молдавіи послѣ 1780 года; послѣ того былъ строителемъ въ Бѣлобережской пустыни и окончилъ дни свои въ Площанской пустыни на покоѣ въ 1831 году. Былъ духовный старецъ, отъ котораго многіе пользовались духовно, и особенно отличался съ юныхъ лѣтъ цѣломудріемъ, смиреніемъ, терпѣніемъ и любовію къ оскорблявшимъ его. Изъ учениковъ его извѣстны: Анастасій, Израиль, Серафимъ, бывшій въ послѣдствіи настоятелемъ Бѣлобережской пустыни, и Филаретъ, игуменъ Глинской пустыни. — Монахъ Арсеній, проводившій большую часть жизни своей въ пустынныхъ лѣсахъ и скончавшій оную въ Бѣлобережской пустыни въ 1844 году. Іеросхимонахъ Аѳанасій, духовнопросвѣщенный старецъ, также безмолвный обитатель пустыни, почилъ о Господѣ отъ трудовъ своихъ въ Брянскомъ Свѣнскомъ монастырѣ, въ 1843 году, храня до смерти при послушаніи духовное трезвеніе; онъ былъ для многихъ свѣтильникомъ во тьмѣ свѣтящимъ. Игуменъ Самуилъ, бывшій настоятель Коломенскаго Голутвина монастыря, искусный дѣлатель умнаго трезвенія. — Монахъ Арсеній былъ духовной жизни, скончался въ Симоновомъ монастырѣ. — Іеросхимонахъ Ливерій, въ Екатеринославской епархіи, скончавшійся въ 1824 году въ глубокой старости. Его наставленіями пользовался архимандритъ Макарій, управлявшій Алтайской миссіею. Все сіе отъ многаго весьма малое представлено здѣсь. Но кто можетъ исчесть всѣхъ тѣхъ, кои пользовались и нынѣ пользуются въ Россійскихъ монастыряхъ духовнымъ просвѣщеніемъ отъ трудовъ и ученія старца Паисія, переданнымъ и передаваемымъ другъ другу? За все оное премилосердый Господь да умножитъ мзду воздаянія въ некончаемомъ вѣкѣ блаженному старцу Паисію; а мы, Россіяне, должны чувствовать изліянную на насъ промысломъ Божіимъ чрезъ него духовную пользу, не для одного монашества, но и для укрѣпленія всей Православной Церкви. Ибо онъ, при высотѣ духовной жизни, былъ ревностный хранитель догматовъ и правилъ святой Церкви, и другихъ училъ строгому храненію оныхъ яко самонужнѣйшему основанію нашего спасенія. Воздадимъ за все сіе по силѣ нашей славу, благодареніе и поклоненіе единому Богу, въ Троицѣ славимому и поклоняемому Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ